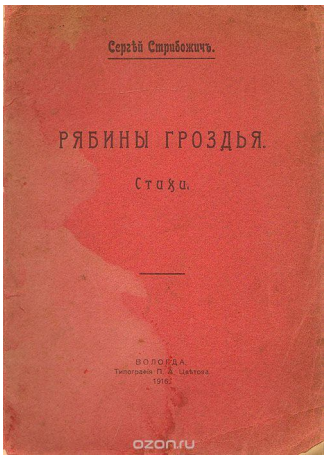
Памяти Сергея Есенина (21.09\03.10 1896 – 27.12.1924) посвящается

День святого Владимира…
Из истории Повстанческого движения

И умру я не на постели, при нотариусе и враче,
а в какой-нибудь дикой щели, утонувший в густом плюще... (Николай Гумилев)

(16 +) Все известные участники и причастники той сантиментальной поездки – документальные данные, о которой, доныне отсутствуют в открытых для историков архивах, и центральным событием видимой - легальной части которой оказался единственный церковный брак Сергея, в недальнем будущем примут мучительную насильственную смерть. Так погибнут Алексей Ганин, Сергей Есенин, Юрий Есенин, Сергей Бараев, Филипп Быстров, Дмитрий Девятков, Павел Хитров, Зинаида Райх, Федор Ганин, Сергей Маслов...

Когда я показал соседу, художнику-графику, прежде убежденному в самоубийстве разгульного земляка, зарисовки трупа Есенина С.А. с прижизненными травмами, выполненные известным советским художником Василием Сварогом, рязанец сразу признал в изображенном подлинник выполнявшийся с натуры, отказавшись от прежней – официозной гипотезы. …Тот, чье имя доныне погребено - не глядя на реабилитанс (1966 г.) - под спудом советской цензуры, был похож на Сергея внешне, тоже невысокий голубоглазый блондин, коренастый, с широким носом и чувственными устами. Отметило его волевое сжатие губ и внимательный, сосредоточенный взгляд под низкими бровями, устремленный к неведомой нам цели... В жизни его - обычно вульгарно сливаемого, то с группой (ранне-)советских "деревенщиков", то с самим деревенствовавшим имажинистом, неизменно, последний ставился в роковую роль.



Бороться с клеветой - транслируемой миллионноротым российским телевидением, всегда трудно, особенно, если клеветники работают всерьез, жертвуя фигурами ради победы на "великой шахматной доске", как в телесериале о Есенине, - когда признают очевидное (убийство

Сергея) - ради диффамации фигуры, более крупной, поэтому, облыгаемой много фундаментальней.

Здесь: Ганина Алексея Алексеевича [род. 28.07.1893 - ? (смертный приговор подписан 30.03.1925)] - известного в основном специалистам, но доныне, посмертно ненавистного заправилам Раша-Сюдей. Вот, только, "*беда в том, что мало общего у двух Сергеев, Есенина и Безрукова, к сожалению, разные у них не только носы, чтобы сыграть личность, нужен соответствующий масштаб личности актера*" [Вячеслав Кочнов\ "Новый Петербургъ", 24.11.2005].

Следователь по особо важным делам МВД СССР Эдуард Хлысталов рассказал об этом анонимном письме, пришедшем в столичные органы из Рязани в 1960-х гг.: "*...На втором снимке - поэт лежит в гробу. Рядом стоят его мать, сестры, жена Софья Толстая. Лица у всех напуганы. Позади первая жена - Зинаида Райх, в истерике уткнувшая лицо в грудь второму мужу, режиссеру Всеволоду Мейерхольду. И здесь, под увеличительным стеклом, все травмы явно видны на лице покойника. Значит, они действительно были, и это не дефект изготовления фотокарточек. Кто же причинил эти травмы? Почему никто никогда не писал о них? Почему в наших изданиях эти фотографии не публиковались? Аноним не сомневался, что я увижу на снимках признаки насильственной смерти и дам ход полученной информации, а он сам останется неизвестным. В стране хозяйничал КГБ, всякого "критика", сомневавшегося в "светлом будущем", отправляли в лагеря или спецпсихбольницы. Я показал фотографии друзьям, криминалистам, экспертам. Все сходились в одном: необходимо изучить материалы уголовного дела...*" [Э.А.Хлысталов "13 уголовных дел Есенина", 2006, с. 10-11]. Родные, женщины, братья-писатели, хоронившие коллегу - все они прекрасно знали, ясно видели своими глазами причину смерти поэта; элитарный дореволюционный фотограф Моисей Наппельбаум ухитрился сохранить и издать на Западе неретушированные оригиналы фотографий. Об убийстве поэта вполне откровенно писали Василий Сварог (видевший тело на месте преступления и выполнивший натурные зарисовки), Борис Лавренев, Зинаида Райх, духовенство служило панихиды по покойнику, не восприняв государственные резюме, заявлявшие о суициде… Причиною смерти однако, официально доныне называется самоубийство (зри Википедию), заверяемое высокопоставленными государственными экспертами и писательскими чиновниками ["Смерть Есенина. Документы...", 2003].

По слову В.Шекспира, мавру, выполнившему свое дело, предстоит уходить. Рязанский журналист и краевед Александр Потапов повествует: "*Недавно стали известны протоколы заседаний "пламенных революционеров", на которых затрагивался и вопрос о поэтах есенинского круга. На совещании 27 августа 1924 г. наркомвоенмор Троцкий заявил:*

-Эти крестьянщики совсем распоясались. Возомнили себя поэтами революции. Нашу действительность выставляют в неприглядном свете. Я уж не говорю о себе. Этот выскочка и хулиган написал обо мне в своей грязной и лживой поэме...

Лев Давидович имел в виду стихи из поэмы "Страна негодяев", где сочувствующий коммунистам доброволец Замарашкин говорит комиссару Чекистову, прообразом которого послужил Троцкий:

Я знаю, что ты
Настоящий жид,
Фамилия твоя Лейбман,
И черт с тобой,
Что ты жил
за границей...

Возмущение Троцкого понятно: как правило, многие из "пламенных революционеров" прятали свои настоящие имена-фамилии под псевдонимом. А тут вдруг всё тайное стало явным. Кипящего злобой Льва Давидовича поддержал его ближайший сподвижник Эфраим Склянский:

-Вы правы, Лев Давидович. Пора кончать с ними раз и навсегда. Это надо поручить нашим доблестным чекистам!

Присутствовавший на совещании "доблестный чекист", заместитель председателя ОГПУ Генрих Ягода отреагировал мгновенно:

-Раз партия приказывает, то мы выполним! Искореним эту заразу раз и навсегда!

Было решено провести операцию по уничтожению ново-крестьянских поэтов, которая по предложению Склянского получила название "Косцы" ["Главная тайна Есенина", 2015, с.80].

(А.Н.Потапов)

На глаза Троцкому попала "Страна негодяев" – с вызовом назвавшая его по имени, привлекшая этим внимание международной еврейской общественности (автор читал отрывки за океаном в своем турне с Айседорой), хотя поэма, задевая Вождя случайной репликой, лишь повествовательно говорила о деяниях красных евреев и китайцев в революционной стране, эпически отстраненно, что не было редкостью в советской литературе начала 1920-х. Цитированный отрывок издается в СССР - РФ с купюрами и искажениями, призванными посеять иллюзию, будто страна негодяев - это Америка, где читались стихи, а Лейбман - это что-нибудь, типа Лееб & Кун (североамериканский еврейский торговый дом позапрошлого века), не имеющий отношения к Москве и Петрограду. Насколько подцензурной остается пьеса доныне, дается представление, тем, как был "воспроизведен" ее текст в авторской рукописи полковника Хлысталова "13 уголовных дел Есенина", изданной посмертно "Яузой - ЭКСМО", уже в 2006(!) году. Но нет, терминология здесь иная, и адрес этой драматической поэмы был очевиден слушавшим в авторском исполнении опус русским белоэмигрантам - чуждым низкопоклонства пред ленинскими кремлевскими идолищами. Слова красногвардейца Замарашкина, слышанные ими, по первоисточнику таковы:

Слушай, Чекистов,
С каких это пор
Ты стал иностранец?
Я знаю, что ты настоящий жид,
Ругаешься ты, как ярославский вор,
Фамилия твоя Лейбман,
И черт с тобой,
Что ты жил за границей,
Всё равно
В Могилёве твой дом.

Черт с тобой, что ты приехал по ксиве из Веймара, когда жаргон у тебя ярославского блатного! Чем не наши дни?..

Но гораздо сильней хулиганского есенинского опуса, режим Чекистманов задевала тогда - уже по-настоящему антисоветская - поэма "Былинное поле", простым поэтическим языком открывавшая инфернальную природу построссийского режима, с вызовом всей существующей литературной традиции срывая "прогрессивные" его платья, изданная типографски в Москве в 1924 г. (прошлые поэт мог лишь литографировать на родине):

...Нежить лесная пошла наобум,
Забирается в брови и бороды,
Забирается в уши, за гашники,
Чтобы силу по капельке высосать,
Чтобы веру по крошечке выжевать!

Знает поганая мелочь секрет:
Силу мирскую не свалит гора,
Да тля незаметная гору подточит.

Знает поганая секрет другой:
В думах мужичьих просторно, как в поле,

Гуляй, кому надо, что хочешь, толчи, -
Только про счастье мужичье шепчи,
Да жалобней вякай про горькую долю.

Будут покорны тогда силачи.
Красные речи замажутся сажей.
Сами друг другу могилы укажут
И сами себе панихиду споют.

Марья Алексеевна Кондакова (Ганина), младшая сестра поэта, в 1987 г. рассказывала Станиславу Куняеву: "*Как погиб брат? Я была в 1925 г. у прокурора Кудрявцева Пимена Васильевича в Вологде. Он сказал, что Алексей якобы написал поэму, порочащую Троцкого, и напечатал в "Московском Альманахе" в 1924 г.*" [А.А.Ганин "Стихи. Поэмы. Роман", Архангельск, 1991, с.7]. Это, полагаем, о "Былинном поле" (Куняев пишет, что поэмы "о

Троцком", собственно, напечатанной в "Московском Альманахе", обнаружено не было) [там же]. 01 ноября 1924 Генрих Ягода подписывает ордера на арест: подарок ко дню рождения т-ща Лейбмана (07.11). Вместе с Ал.Ал.Ганиным были тогда арестованы и все крестьянские поэты, которых удалось захватить в Москве. Избегли смертной чаши Клюев - как ("красный") гомосексуалист оповещенный собратьями, Орешин, Клычков, Есенин, - как полагал отставной милицейский полковник Эдуард Хлысталов - кем-то неизвестным предупрежденные тогда, в 1924 г., и исчезнувшие на время из столицы. Опасные улики, находившиеся на руках у Есенина, были вовремя уничтожены в печке его 1-й женой Анной Изрядновой [сообщение Николая Николаевича Брауна].

Если поверить сведению, сообщенному в 1950-х гг. Б.Л.Пастернаком Ольге Ивинской [Ивинская "Годы с Пастернаком", 1992], предупредившим был сам И.В.Сталин: в авг. 1924 включивший Есенина в группу известнейших (тиражных) московских поэтов, откомандированных в Закавказье – снабжать русским переводом (зачастую, гораздо лучше оригинала) грузинские стихи. Сообщенное не невероятно. Вернувшись из Закавказья, 23.12.1925 - через день после дня рождения Сталина - в разговоре с троцкистом Александром Тарасовым-Родионовым, Есенин за рюмкой хвалится знакомством с человеком, хранящим подлинник приветственной телеграммы, отправлявшейся из Ачинска в феврале 1917 г. ссыльным эсдеком Радомысльским (Каменевым) "гражданину" М.А.Романову ("братьями" планировавшемуся тогда в "преемники", как выражаются теперь...). Эта телеграмма оглашалась Сталиным в 1926 г. на 7-м пленуме Исполкома Коминтерна, сыграв роковую роль в международной большевистской карьере Зиновьева и Каменева.

Важно не то, блефовал ли здесь Сергей, а то, что убийцы в те дни безоговорочно поверили ему - встретив уже на подъезде к Ленинграду, схватив в поезде и повезя на Гороховую, кинувшись выколачивать неведомые нам показания [см. В.И.Кузнецов "Тайна гибели Есенина", 1998 (переиздания 2004 и 2006 гг.)], из вполне советского в те годы "скифа"-"византийца"-"деревенщика". А ЗакСФСР - была тогда отдельным государством, здесь, в Баку, в глазах Орджоникидзе и Кирова («гойская фракция» РСДРП-б) - палаческие ордера Мос-ГПУ не имели ровно никакого авторитета...

Алексей Алексеевич Ганин, издававший свои сборники литографическим способом - собственноручно вырезая матрицы, указывая деревню Коншино местом выхода, а издателем виртуальную организацию "Глина", по праву должен считаться (обычно это приписывают "Самсебяиздату" И.Глазкова, 1946 год) родоначальником Русского Самиздата.

1.Путь полярных глыб

Свидетельствует д.филол.н. Наталья Михайловна Солнцева: "*Ганин - явление, поразительное настолько, насколько вообще может быть поразительна, странна, неожиданна философская лирика самого интеллектуального уровня и совершенного вкуса - в пору воцарения материализма, идеологической ортодоксальности и физической расправы за инакомыслие. Да он и обращался в своей поэзии к кругу избранному, кругу единоверцев, единомышленников:*

Да светят крылья слов,
пусть речь моя бессвязна,
Но тот, кто знает связь метели и огня,
Я знаю, не уйдёт от светлого соблазна,
И мудрости венец оденет на меня...

Его философские миниатюры изысканны по глубине и отточенности мысли, рафинированы по форме"!

В отличье от "крестьянских" поэтов - во многом, продуктов массовой культуры нач. XX века (типа Вики Цыгановой или Стаса Михайлова), шедших проторенным путем "народных" купчиков Кольцова и Никитина (если не Надсона...), - Ганин начинает сразу с усвоения символистской школы:

Мое жилище, Землю грешную, печальный и убогий край,
любовью светлой и нездешнею я полюбил, как прежний рай.
Одел поля пшеничным золотом, пчелиным медом напоил,
и все преграды лунным молотом <т.е. размолом, мукой> рассыпал в звончатую пыль
<...>

("Утро", 1915 г.)

- избежав её нелепостей (не чуждых и Блоку с Брюсовым), благодаря врожденному вкусу, придя в конце к акмеистической строгости образов, соединенной с пушкинской строгостью формы. В последней изданной книге, отвергая идеологические обвинения в мистицизме, автор определяет себя: "*Я - романтик начала XX века*".

Мнимая "национальность" ново-крестьянских писателей, механически воспроизводивших образы простонародного - полуманихейского русского христианства (оставленного в наследство Руси от хазарского ига), к кон. XX века выродившегося в клоунаду XXC, А.Ганиным была высоко надстроена изысканнейшей - даже не книжной, погребенной в «ученой» византийской церковности, но академической - извлеченной из глубин словесной родовой памяти научными хитростями, национальной русской - "языческой" образностью.

В поэзии - он открывал путь, в живописи проторенный Николаем Рерихом и обустроенный Константином Васильевым.

Стандартные формулы биографических справок: "*В Первую мировую войну был мобилизован и отправлен в Николаевский военный госпиталь в Петроград. Написал антивоенные стихотворения "Война" ("Ты подумай, как страшно теперь...") и "Далекий век, от колыбели...", которые были опубликованы после революции*" [http://zinin-miresenina.narod.ru/profile5.html] - лишены достоверности. Эти стихи, хотя не самые совершенные у Ганина:

Ты подумай, как страшно теперь...
Мы молиться и плакать устали.
Всюду грозные призраки встали
На путях Твоих в горнюю дверь.
<...>

- тем не менее, слеплены из общих мест тогдашней литературы, для военфельдшера бывших осязательно-наглядными, и могли оказаться поняты, как обобщающе-политические, антивоенные, лишь в пораженческом угаре послефевральских лет. А мобилизовывали в Императорскую армию до 1915 г. в 22; на 21-м году жизни, окончивший гражданское учебное заведение, Ганин мог надеть форму только добровольцем. Это указывается редко [напр.: http://russianpoetry.ru/blogs/novokrestjanskie-krestjanskie-poyety-serebrjanogo-veka-rokovye-sudby/aleksei-aleksevich-ganin.html]. Разумеется, после 1917 такие страницы автобиографии гражданами Советской России (в т.ч., напр., и Л.П.Берией) не афишировались.

Вопреки коллегам, бездумно приветствовавшим революционеров - с продразверсткой тех, осквернением святынь и раздачей Руси инородцам, лишь в 1920-х переменив отношение, - Ганин, подобно Несмелову, Краснову, Гумилеву - поэтам "дворянским" (де-юре Гумилев из поповского рода), открывается стихами нам, как антисоветчик, с самого 1917 года не пытаясь

заигрывать с компартией (как Клюев или Васильев). Вопреки всему тому, что сервильно пишется о нем литературоедами и пейсателями сейчас, в 2000-х, и писалось прежде.

В "Вечерней звезде" 11.03.1918 года, через 8 дней после Брестского мира, публикуется стихотворение Ганина "Гонимый совестью незримой...". Оно датируется в публикациях широко: "*1917 - 1918 гг.*". Но стихи - начинаясь очень лично, подтверждаемые откомандированием Ганина (с неведомыми нам целями) в Вологду в конце 1916, несопоставимы с событиями начала 1917 - начала 1918 годов, когда поэт был в Петрограде, требуя отодвинуть создание к зиме 1916\1917 (или к лету 1917) г.

Дворянский интеллигент, авангардист Рюрик Ивнев вспоминал: "*Прошло всего несколько дней после февральского переворота. Кое-где еще летят грузовые автомобили, наполненные веселыми, розовыми, распевающими новые революционные песни солдатами с винтовками <в тыловых гарнизонах винтовки тогда были редкостью: одна на сотню "штыков". - Р.Жд.>. Вдруг вижу - прямо по улице идут четверо, взявшись за руки, точно цепью. Смотрю: Клюев, Клычков, Орешин и с ними Есенин. Все какие-то новые - широкогрудые, взлохмаченные, все в расстегнутых пальто. Накидываются на меня. Колют злыми словами. "Наше время пришло!" - шипит елейный Клюев*" [цитирую по книге: Ст. и С. Куняевы "Есенин", 1999].

...Первый в стране дезертир.

- по свидетельству Рюрика Ивнева, - "Есенин тоже старался от него не отстать, говорил какие-то бессмысленные колкости". А в глазах "*прыгают веселые бесенята*"... Ганина, знакомца Есенина, в 1916 уехавшего в Вологду, но в феврале 1917 вновь оказывающегося в Пг., в писательской стрелковой цепи земляка-Клюева мы не находим! Хотя он-то, кончавший николаевские средние учебные заведения (где будущих офицеров запаса обучали этому), в отличье от "легальных дезертиров" Есенина и Клюева, с винтовкой обращаться умел!

Поприветствовав, как принято считать, революцию (поскольку печатался в 1917 в эсеровских изданиях), очень скоро - этим же летом - поэт разоблачает революционное действо.

Им - родившимся на рождество святителя Николы (29 июля: день его Зарайского образа), поэме "Сарай" было предпослано:

Посвящаю живым,
сущим в часе со мной,
за воротами "Завтра"
в ладонях времени.

Здесь скрыто цитируется Повесть о Николе Зарайском (в свою очередь, оцерковленно процитировавшая Слово о полку Игореве), гениально уловив стиховую организацию древнерусского текста (задолго до исследований 1990-х гг. И.Лобаковой):

Лучше нам смертью живота купить,
Нежели во поганой воли быть.

Употребление слова "*час*" в архаическом значении конкретного отрезка времени (вообще), противопоставляя обобщенному значению - современному (присутствующему уже в заглавии Повести Временных лет), позволяет полагать заимствования оттуда же:

...И услыша великий князь Юрьи Ингорович убиение
возлюбленнаго сына своего
Блаженнаго князя Федора,

И нача плакатися,
и с великою княгинею,
И со прочими княгинеми,
И со братьею своею,
И плакашася весь град на мног час.

...Поиде же князь Ингвар Ингорович на реку на Воронеж,
Где убьен бысть князь Федор Юрьевич,
И взя честное тело его,
И плакася над ним на долг час.

Тогда посылка эпиграфа очевидна: это призыв к мести, апелляция к помощи благоверных Бориса и Глеба (память 24 июля).

Такое же, архаичное словоупотребление "*часа*", уже как нумена не эпохи, но последнего мгновения жизни, прозвучит в песне тамбовских повстанцев - песне, певшейся в красной Москве 1923-1925 гг. их единомышленниками, крестьянскими писателями:

...На заре вскаркнёт ворона:
Комиссар, взводи курок.
В час последний похоронят,
Укокошат под шумок.

Лев, сын Ахматовой и Гумилева [см. "Этногенез и биосфера Земли", гл. 6], - автор работы "Этнос и категория времени" - в детстве прошедшем по соседству в Бежецке, видимо, узнал тогда поэму казненного вологодского поэта-подпольщика, причем не с голоса, а с эпиграфом: в чтении с публикации-источника, - литографически изданная в Коншине в 1920, она распространялась в крае! А вот А.А.Проханов - не знал русской поэзии, даже в массовых советских переизданиях 1991 г. С.Куняева, когда выбирал инфернальное имя своему "российскому" органу.

"*Поэма "Сарай" - это поэтический ответ Максиму Горькому, с его "Песнью о Буревестнике". Горький же подсказал Ганину мифологическую основу образа: Буревестник - "Черный демон бури*" [Э.Б.Мекш "Пророческий "Сон" Алексея"\ "Наука и бизнес на Мурмане", N1, 2007]. Также, это национальный ответ - революционерам, нарекающий дворец Антихриста, одновременно, эстетическим и этническим - золотоордынским, вражеским инородческим именем-определением, пишущимся с заглавной буквы.

В революционные дни начала XX века, равно как и теперь, идейно низвергая европейскую - национально-русскую (новгородско-петроградскую) государственность, для промывания мозгов образованной части общества - нуждавшейся в идеологическом базисе для самооправдания соучастию в "колорадских" преступлениях, применялся евразийский политический троллинг, вот такого типа (по "Известиям" от 14.03.1918 г., после переезда Совнаркома): "*Какова же задача Московской Руси? Это задача повторения того исторического дела, которое уже выполнила однажды Москва и которое ей придется повторить вновь: дело пробуждения национального чувства и собирания <точней было бы сказать - оккупации! - Р.Жд.> России*"... И, отвечая красным политическим троллям 1917 года, "*...историческая аналогия содержится и в названии поэмы <Алексея Ганина -> вызывающая в памяти читателя времена Золотой Орды, чьей столицею первоначально был Сарай-Берке (Новый Сарай), а затем - Сарай-Бату (Старый Сарай). Русские же столицу Золотой Орды просто называли Сараем и не без сарказма стали называть так хозяйственную постройку, потому что в переводе с татарского слово "сарай" означает "дворец*" [там же]. Ганин ответил работникам бесовского генерального штаба уже в том году!

"*...В революционной круговерти Антихрист обольстил людей, подменив указатели, и "дорога в рай" оказывается дорогой в ад:*

И мы спешим, и только шаг
За сотни дней в пути измерили.
Нам черный хаос свил в ушах
Гнездо свое, чтоб в рай поверили.
И вот, поверила Душа...

Образы данного пятистишия, а затем и номинация героя как "мастера-строителя", имеют в своей основе отсылку к популярной песне того времени Интернационал <А также и к обществу братьев-каменщиков, правителей лета 1917!> ...Слова Ганина о "черном хаосе" соотносятся с призывом "...разрушим до основанья", а слова о "мастере-строителе" с революционной утопией: "Мы наш, мы новый мир построим..."

Благими намерениями, как известно, вымощена дорога в ад" [там же].

Это не после октября 1917, это после февраля 1917 года! Сарай - это "российская цивилизация", пляска мертвецов, продолжающаяся днесь!..

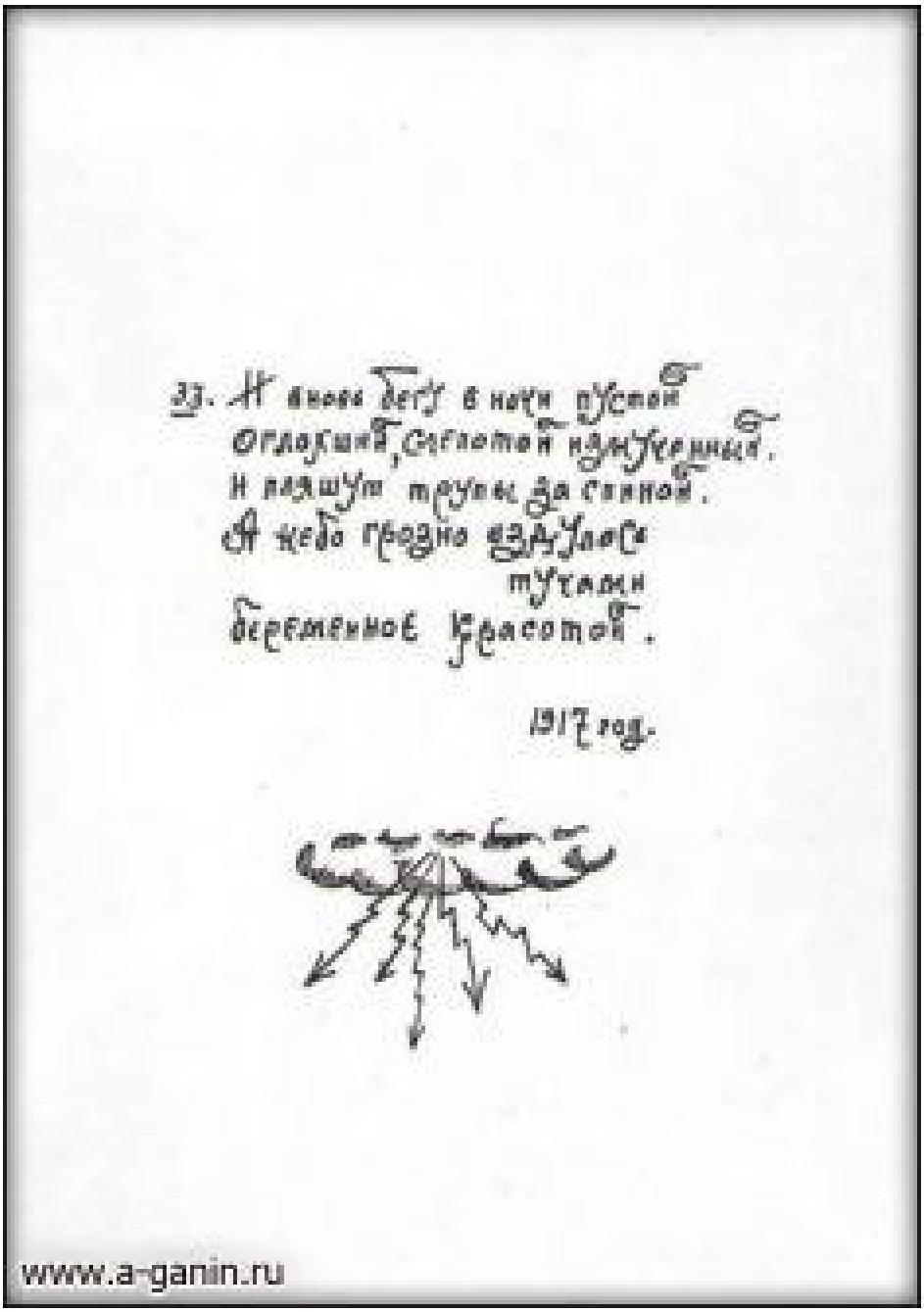
Датировку автором "Сарая" революционным 1917-м годом - мы будем помнить, пытаясь проникнуть в тайну странствий поэтов.

"*...Пляска мертвецов в "сарае" показана Ганиным в традициях русских духовных стихов эсхатологического содержания. В разгар "дикой пляски" герой поэмы слышит, как говорит "золотой кумир": "К победному столу, кто званые...". И оказывается, что*

Все званые, Сарай - весь мир,
Идут тела, гниеньем рваные,
Отпраздновать последний пир.

В данной строфе содержатся две цитаты, которые прочитываются Ганиным антитетично. Первая связана со словами Христа: "Так будут последние первыми, и первые последними; ибо много званых, а мало избранных" (Мф. 20;16). Вторая, о "последнем пире", аллюзивно связана со строкой Интернационала: "Это есть наш последний и решительный бой". И первая, и вторая цитаты имеют общую основу, Евангельский текст. Так, например, слова Христа "так будут последние первыми" находят свое продолжение в Интернационале: "...Кто был никем, тот станет всем". Итак, "кумир" зовет "званых"; их, действительно, много. Но "избранных" за пиршественным столом нет, а "в кумире дьявол обнаружился". Наталья Солнцева считает, что вся поэма Ганина написана ради этой строки. Возможно, так оно и было.

<...> Пир "званых" у Ганина -- пир вурдалаков и мертвецов, совершающих "кровавое причастие" ("Слышу: дети в рваных лапотках хрустят у Дьявола в зубах")" [там же]. Действительно, ритуальное заклание младенцев является необходимым элементом полноценной черной мессы (сохранились протокольно-реалистические изображения ее, напр., с участием m-me Монтеспан, фаворитки короля Людовика). А Небо, противопоставленное Сараю, вздувается грозовой тучею - на иллюстрации автора расистски источая на землю символику СС, по леонтьевианскому слову поэта - "*...беременное красотой*": должной излиться на отпадший в безродно-классовую ересь Мир сокрушительным палящим разрядом.


33. И вновь бегу в ночи пустой
Отдохнуть, сытостью изнуренный.
И пляшут трупы да сивой.
А небо грозно вздулось
тучами
беременное красотой.

1917 год.

www.a-ganin.ru

Пожалуй, в нашу эпоху лабазнического "патриотизма", спросят, чего мог позабыть (кроме карих глаз Зиночки) поэт-родолюб, писатель контрреволюционных проповедей, в петроградских изданиях социалистов-революционеров? Ответим на это контр-вопросом. Чем занимался летом 1918 г. в Москве демобилизованный царский унтер Георгий Константинович Жуков? Не знаете? В анкетах и мемуарах он тщательно обтекает сей отрезок своей жизни... Но задававшимся таким вопросом ответил царскосельский реставратор и краевед Федор Морозов-второй. В нач. 1930-х, при капитальном ремонте старого ленинградского дома, был обнаружен тайник революционных лет. В жизни Г.К. тайники, попадавшие в руки чекистов, вообще будут играть особую роль. Здесь, из потаенных документов открылось, что некогда кавалерийский унтер и радикальный революционный оборонец Егор Жуков (а не виртуальный матрос Андреев) был эсеровским боевиком, участником июльского мятежа и убийства графа фон Мирбаха. (Карьера Г.К. как генерал-адъютанта, доверье к нему И.В.Сталина, тем и обусловилось, что не мог маршал сдаваться немцам, виновный пред ними в терроризме). Для него - в полковой школе хорошо усвоившего армейскую словесность, сменились главковерхи, но война с немцем отнюдь тогда, с подписанием похабного Брестского договора, не кончилась.

...Пронзительные стихи "В застенке", посвященные А.Г., были сложены Пименом Карповым - единственным ново-крестьянским поэтом, уцелевшим в советских репрессиях,

знавшем об убитом в московском застенке гораздо больше, нежели это известно нам - не случайно вспомнив здесь о полярных глыбах, в 1926 году - когда, казалось бы, впору было оплакивать Сергея Есенина:

Ты был прикован к приполярной глыбе,
Как Прометей, растоптанный в снегах.
Рванулся ты за грань и встретил гибель,
И рвал твоё живое сердце враг.

За то, что в сердце поднял ты, как знамя,
Божественный огонь - родной язык,
За то, что и в застенке это пламя
Пылало под придушенный твой крик,

Всё кончено! Мучитель, мозг твой выпив,
Пораздробив твои суставы все,
Тебя в зубчатом скрежете и скрипе
Живого разорвал на колесе!

И он, подъяв раздвоенное жало,
Как знамя, над душою бытия,
Посеял смерть. Ему рукоплескала
Продажных душ продажная семья.

Но за пределом бытия к Мессии -
К Душе Души взывал ты ночь и день,
И стала по растерзанной России
Бродить твоя растерзанная тень, -

И жизни устремились листопадом
К иной черте, завидя твой венец;
И вот уже дрожит твердыня ада
И приближается его конец!

От света замурованный дневного,
В когтях железных погибая сам,
Ты сознавал, что племени родного
Нельзя отдать на растерзанье псам.

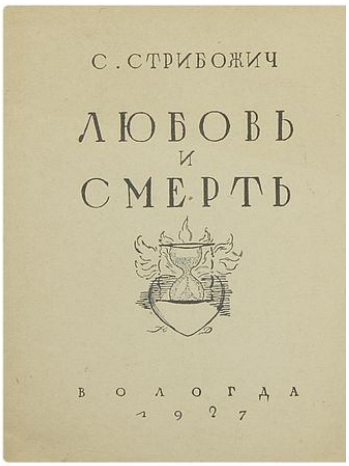
И ты к себе на помощь звал Светила,
Чтоб звездами душителей убить,
Чтобы в России дьявольская сила
Мужицкую не доконала выть.

Нет, не напрасно ты огонь свой плавил,
Поэт-великомученик, твою
В застенке замурованную славу
Потомки воскресят в родном краю.

И пусть светильник твой погас под спудом,
Пусть вытравлена память о тебе,
Исчезнет Тьма, и в восхищенье будут
Века твоей завидовать судьбе.

Эти пронзительные строфы не метафоричны, свидетельством их документальности сохранились листы собственноручных показаний Ганина, писанные в ЧК, залитые его кровью. Но Карпов не сомневается: Алексей не жертва, он борец, бесстрашный, неутомимый, видевший цель, - хотя, из биографий, публикуемых в РФ, это как-то незаметно. Осведомлен поэт - сокрывшийся из публичной (литературной) жизни в 1920-х и пребывавший в советских катакомбах вплоть до начала 1960-х гг., был об учителе существенно лучше, нежели мы.

2.Сказины поминальные…



Едва ли не единственное свидетельство (подробное), как замышлялась эта поездка, было оставлено Миной Свирской, лишь случаем не ставшей ее участницей: "*Летом 17-го года вбежал в Общество Есенин: 'Мина, едемте с нами на Соловки! Мы с Алешей едем!' Это было очень неожиданно и в обстановке, в которой я жила, похоже на шутку. В Обществе работала старая эсерка Софья Карклеазовна Макаева, Женщина резкая, но относившаяся к нам - молодёжи - хорошо, любившая и подшутить над нами. И тут не упустила случая, чтобы не посмеяться над "фантастическими глупостями", которые во время подготовки к выборам в Учредительное собрание могут прийти в голову только бездельникам. Как и очень часто, мне нужно было на Галерную. Есенин пошёл со мной. Придя к Зинаиде, я ей тут же рассказала, что Сергей с Алёшей собрались ехать на Соловки и Сергей пришёл звать меня. Она вскочила, захлопала в ладоши: - Ох, как интересно! Я поеду. Сейчас пойду отпрашиваться к Серёженьке! Так мы называли за глаза Сергея Порфиръевича Постникова, секретаря газеты "Дело народа", непосредственного начальника Зинаиды. Она убежала, быстро вернулась очень довольная, завертелась по комнате, приговаривая: "Серёженька меня отпустил". Вдвоем они стали меня уговаривать ехать с ними. Возбуждение Зинаиды Николаевны, может быть, на какое-то мгновение передалось мне. Но я не могла себе представить, что имею право бросить работу в Обществе, которой в то время, в связи с выборами в Учредительное собрание, было много. Сергей и Зинаида начали обсуждать подробности поездки. Помню, что Сергей с Алёшей должны были выехать раньше, а Зинаида где-то к ним присоединится. Как оказалось, ни у Сергея, ни у Алёши почти не было денег. У Зинаиды была какая-то заветная сумма, которую она предложила на поездку...*" ["Русское Зарубежье о Есенине", М., 1993, т. 1-й, с.146].

Так внимательно присматриваемся мы к этой поездке, ибо наблюдаем поразительную черту биографии ее участников и причастников, необыкновенную в российской новейшей политической истории: все они гибли под пытками и в расстрельных камерах, но тщательно хранили ее тайну, не раскрывая обстоятельств, ни палачам, ни сторонним исследователям. Более всего сообщили о ней, собственно, стихи Есенина:

Небо ли такое белое
Или солью выцвела вода?
Ты поешь, и песня оголтелая
Бреговые вяжет повода.

Синим жерновом развеяны и смолоты
Водяные зерна на муку.
Голубой простор и золото
Опоясали твою тоску.

Не встревожен ласкою угрюмою
Загорелый взмах твоей руки.
Все равно - Архангельском иль Умбою
Проплывать тебе на Соловки.

Все равно под стоптанною палубой
Видишь ты погорбившийся скит.
Подпевает тебе жалоба
Об изгибах тамошних ракит.

Так и хочется под песню свеситься
Над водою, спихивая день...
Но спокойно светит вместо месяца
Отразившийся на облаке тюлень.

Изданные в 1924 ["Поэты наших дней", М., 1924, с.30], стихи были снабжены датой 1917 года. Мы будет относиться к ним - как к лирическому дневнику, а не как к пространству полета творческой фантазии; есенинской поэзии - достоверность, конкретная реалистичность присуща [см. http://esenin.niv.ru/esenin/smert/tajna-angleter/angleter_1.htm].

Умба - это село в Кандалакшской губе (тогда небольшое, разросшееся, когда в него согнали "коллективизированных" поморов). Добираться туда проще всего водой, ОТ Соловков. А вот решать, как плыть на Соловки, выбирая между Умбой и Архангельском, можно было тогда лишь в Петрограде: туда ведут разные пути, а ветки, связующей Мурманское и Архангельское направления, тогда еще не было. Как видно, Мурман, Кольский п-в считался целью путешествия исходно, подобно Соловкам. И турпоездка намечалась рискованная! Шла Мировая война, в незащищенных Баренцевом и Белом морях тогда работали немецкие подводные лодки - атакуя суда, ставя мины, обстреливая побережье. 26 октября 1916 г. (транспорт "Барон Дрейзен") и 18 января 1917 г. (ледокол "Семен Челюсткин") при разгрузке артиллерийских боеприпасов в Архангельском порту произошли в результате немецких диверсий мощнейшие взрывы и пожары распространившиеся на соседние суда, стоив тогда тысяч жертв в населенных пунктах низовий Северной Двины. В 1916 г. немцами был торпедирован крейсер "Гемпшир", которым в Россию шел британский морской министр лорд Г.-Г.Китченер, погибший в катастрофе со всем своим штабом.

Мысль о северной поездке принадлежала Алексею Ганину (в Вологде многажды встречавшему пассажиров, проезжавших с Архангельска), сейчас соблазнившему ею Сергея Есенина. Отплывали в белый полярный день, когда полуночное солнце остается у окоема ("*голубой простор и золото...*"), выглядывая ночь лишь в черных северных глубинах, свесившись над бортами, из Архангельска: низкий пологий берег, где можно проходить мимо скитов, взирая с палубы на них сверху, это там.

В прозаических автобиографиях и письмах С.А.Есенин старательно скрывает эту поездку: "*1917 г. произошла моя первая женитьба на З.Н.Райх. В 1918 году я с ней расстался, а после этого началась моя скитальческая жизнь, как и всех россиян за период 1918-1921 гг. За эти годы я был <...> на Мурманском побережье, в Архангельске и Соловках*" (автобиография от 20.06.1924, самая полная). О пребывании в окрестностях Вологды ни слова! Хотя, отплывая в Соловки Архангельском, там приходилось быть, волей-неволей!

Есенин скрывает это, подобно тому, как скрывал он после 1917 г. тесную свою юношескую дружбу с Леонидом Канегисером, участником антикоммунистического подполья, из Петрограда державшим связь с Архангельской и Вологодской боевыми организациями, нигде не обмолвившись о нем, хотя выдал себя, в "Анне Снегиной" спародировав Лёнины патриотические стихи весны 1917 г. ("На солнце сверкая штыками..."):

Свобода взметнулась неистово
И в розово-смрадном огне
Тогда над страною калифствовал
Керенский на белом коне...

А ведь сам на Вологодчине венчался, единственный раз в жизни, и, действительно, прекрасно памятовал об этом! Путешествие к Северному Ледовитому океану - в анкете оказалось не опущено, нет, но передвинуто, на время, после разрыва с Зинаидой - не должной быть увиденной и воспринятой, как возможная зацепка, опав в разработку "следопыта", идущего по пути путешественника.

Кроме стихов 1917 г., анкетные показания разрушаются многими свидетельствами. Столь же неосмотрительно, поэт датировал разрыв 1918 годом. 29.05.1918 в Орле, в доме жены, у Есениных появилась дочка, нареченная - надо полагать - в честь матери Сергея: Татьяной. Позже, 03.02.1920 г., уже в Москве, явится на свет второй ребенок - темноволосый Константин (имя тоже не случайное, в честь родины Сергея), копия Зины, о котором, если брать «Вранье без романа» А.Мариенгофа, у Есенина возникли сомнения в своем отцовстве. Ст.Куняев – страшащийся всяких суждений об антикоммунистической борьбе героев своих очерков, должных быть страдальцами-«мучениками» (яко древние христиане), а не воинами, свой же номенклатурно-союзписательский «антисемитизм» подтверждающий – выпадами против персон безопасных (таких как выкрещенка и полудворянка Зинаида), цитируя этот рассказ, приводит свидетельство, будто за отца Константина Сергеевича Есенина выдавался некий, безвестный «красноармеец». Учитывая, что весной-летом 1919 г. через Орел на Москву наступала Белая армия, удерживая его до октября, роман с брюнетом-красноармейцем – это то, чего более всего недоставало тогда совслужащей черноволосой дочке социал-демократа из Бендер!.. Ясно, что расставшись в 1918 г. с Зинаидой, Есенин бы поводов для "сомнений" уже не имел, а дарование названного имени отпрыску гр-ки Райх, становилось бы бессмысленным.

З.Райх с детьми - Таней и Костей

Поэт оставил об этой сваре, где бытовые обвинения межались с политическими, строки (датируемые 1924 годом), ныне известные в неполной и "трансвестированной" версии певицы Анастасии Минцковской:

Вы помните, вы всё, конечно, помните,
Как я стоял, приблизившись к стене, -
взволнованно ходили вы по комнате
И что-то резкое в лицо бросали мне...

Младенец уже запомнил(!), видимо, одну из последних ссор Сергея с Зинаидой, спросив ее об этом, когда услышал стихотворение: "*Мать улыбнулась. Вероятнее всего, характер разговора, его тональность были уже как-то традиционны при столкновении двух таких резких натур, какими были мои отец и мать*"... Но согласимся, что деревенскому человеку сложно так запамятовать события, связанные с церковным обрядом, с первой женитьбой. А память у Есенина была прекрасной!

Однако, таился не только он один... Книга учета соловецких паломников - ведшаяся в 1917 г., сохранена архивными фондами. И в ней ТАКЖЕ НЕТ СВЕДЕНИЙ, о визите в 1917 г. на Соловки Ганина А.А., Есенина С.А., Райх-Есениной З.Н. [Л.Карохин "Алексей Ганин - друг Сергея Есенина", 1999].

Татьяна Сергеевна Есенина воспроизводила материнский рассказ, слышанный ею около 1933 г. (когда НКВД работал уже в полную силу): "*Уже на обратном пути <то есть, прямым путем ранее ехав на Мурман. - Р.Жд.>, в поезде, Сергей Александрович сделал матери предложение, сказав громким шепотом:*

- Я хочу на вас жениться.

Ответ "Дайте мне подумать!" - его немного рассердил. Решено было венчаться немедленно. Все четверо сошли в Вологде" ["Есенин и современность", М., 1975, с.358]. Итак, после появления в Вологде, согласно Зинаиде (1930-е гг.), на Севере путников не было.

Мина Львовна Свирская рассказала иное: "*Помню, что Сергей с Алешей д.б. выехать раньше, а Зинаида где-то к ним присоединиться... Больше ничего об их отъезде вспомнить не могу. Некоторое время спустя в Общество пришел Гаврила Андреевич Билима-Пастернак и рассказал, что ездил в Архангельскую область по выборам в Учредительное собрание и на пароходе в Белое море <тогда обратным с Мурмана!> встретил их троих. Сколько времени продолжалась их поездка, не помню. Но помню, что кто-то пришел и сказал, что был на Галерной, и что Зинаида Николаевна вернулась. Я тут же пошла туда. Она писала какую-то служебную бумагу, показала: "Сейчас допишу". Она дописала и повернула в мою сторону, указывая на свою подпись: Райх-Есенина, - "Знаешь, нас с Сергеем на Соловках попик обвенчал", - сказала она... Для нее было до некоторой степени неожиданностью, когда на пароходе Сергей*

сказал, что любит ее и жить без нее не может, что они должны обвенчаться. На Соловках они набрели на часовенку, в которой шла служба, и их там обвенчали. Ни Сергей, ни Алексей мне об этом ничего не рассказывали" [Свирская, с.147].

Идейная социалистка, активистка эсеровской партии, Мина провела более 20 лет в коммунистических лагерях, окончив дни в Израиле, куда эмигрировала в 1963. Ее мемуары о Есенине посмертно изданы в 1988 г. в Париже и независимы от нашей историографической традиции - сформированной органами госбезопасности, - чем необыкновенно ценны, хотя, порой, содержат ошибки памяти (напр., соотнесение "Русалки" с поездкой в июне 1917 в Павловск) [там же, с.145].

Современники пишут, отношения Зины и Сергея, даже в 3-й месяц знакомства, оставались вежливо-официальными; они были на "вы", симпатизировал он свежей и шустрой 17-летней Мине, более пригодной на роль "еврейской жены" для "деревенского самородка".

А за Зиной в "Деле народа" ухаживал Ганин, считавшийся ее женихом, да и бывший более естественной парой роковой немецкой брюнетке из Одессы учившейся на Высших женских курсах: скаут, военфельдшер со средним гимназическим и средним специальным образованием, с классически-ясным тютчевским слогом, потомок петровского матроса и выданной за него, распоряжением Царя, пленной шведской девицы Ханны.

Т.С.Есенина свидетельствует: "*Случайные эпизоды, о которых упоминала мать, ничего не говорили о сближении с отцом*".

Кроме того факта, что в эсеровском «бункере» от М.Л.Свирской скрывали тогда важное и Есенин (считавшийся ее женихом), и Ганин (считавшийся женихом Райх), её мемуары сохранили и 2-й рассказ самой Зины, выдав лукавство той, называвшей разные места сочетания. Не открывать посторонним, находясь на нелегальном положении, правильных адресов - это было одним из правил народовольческой и эсеровской конспирации. Небрежение им, некогда, напр., привело к провалу Евгении – младшей сестры Веры Фигнер [см. «Народовольцы в Петербурге», 1984, с.38]. З.Н.Райх блюла его тщательно!

Уже 3-ю версию Зина назовет непосредственному начальнику, секретарю эсеровской газеты С.П.Постникову, в небольшом, еще ученическом спектакле изменив и место, и время венчания - на позднейшее: "*Однажды моя секретарша не пришла на службу. Пропадала она три дня, а потом явилась и на наши расспросы радостно сообщила, что ездила с Сережей в Шлиссельбург венчаться*". А, согласно Мине, о турпоездке на Север он был предупрежден, согласовав отпуск секретарше!

Можно усомниться и в акцентах рассказа. Сергей был в гражданском браке ("блудном сожительстве") с Анной Изрядновой, у него родился первенец Юрий, получивший фамилию и отчество отца, до конца преданный ему, отдавший жизнь в 1937 году, свидетельствуя, что отец был убит большевиками, смерть не была суицидной [http://esenin.niv.ru/esenin/people/georgij-esenin.htm]. Не было у Есенина тех лет религиозности [см. http://w.esenin.ru/eseninskie-mesta/kharkov/bozhko-v-kharkovskii-vizit-sergeia-esenina] - которую по духу века сего пытается вменить ему Ст.Куняев, как не было у хорошенькой Зиночки (выгнанной из киевских Курсов за простоту нравов), сурово тянувшей лямку социал-революционного актива, ханжеской тяги к ветхозаветной "законности" личных отношений!

Новоявленный муж-поэт также, напомним, профессионально скрывал место и обстоятельства женитьбы: "*Мы ехали в поезде в Петербург, по дороге где-то вышли и повенчались на каком-то полустанке*", - так представит он их - ок. 1919 г. - Катерине Эйгенс (25 страничек ее рукописи воспоминаний о Есенине опубликованы лишь недавно) [http://eseniada.narod.ru/iges-o-esenine.html]. Поэт, актер и чтец Владимир Чернявский (+ 1948)

оставил иные воспоминания о есенинских рассказах: "*Сергею доставляло большое удовольствие повторять рассказ о своем сватовстве, связанным с поездкой на пароходе, о том, как он "окрутился" на лоне северного пейзажа*" ["Жизнь Есенина", 1988, с.127], - т.е., при нём, Есенин многократно излагал ту версию, что ранее уже оглашалась Зинаидою Мине.

Станислав Куняев в 1989 г. записал воспоминания сестры Алексея Ганина, Елены, о поездке петроградцев в деревню Коншино: "*Помню, как Есенин и Райх, и с братом, приехали к нам. Она в Вологде работала у Клыпина, был такой краевед с частным издательством. Райх секретарем у него была... Приехали, когда рожь клонилась, стучатся в наш дом: "Хозяйка, нельзя ли переночевать?" А мать в ответ: "Сейчас скажу отцу, он пустит!" Брат рассмеялся - она его и признала. Вошли... Утром, я помню, жду не дождусь, когда проснутся. Как раз они на праздник попали после Петрова дня - на престольный праздник нашей деревни... Помню Райх: в белой блестящей кофте, в черной широкой шуршащей юбке. Веселая... А Есенин хорошо играл на хромке - подарил ее Федору, хромка с зелеными мехами. Долго лежала, потом пропала. Федор на ней играл и частушки сочинял:*

Эх, вы, сени, мои сени,
Не сплясать ли трепака?
Может быть, Сергей Есенин
Даст нам кружку молока...
<аллюзия на строку: "И на песни мои прольется молоко твоих рыжих коров">

Ну, сразу смех: озорные девчата окружили Есенина, потребовали по кружке молока, и поэт, движением руки, отправил насмешниц к хозяйке дома, к нашей матери. А еще Федор исполнил и такую частушку:

Ах, вы, сени, мои сени,
Были сени - теперь нет.
Был Сергей Есенин стельным -
Отелился или нет?

...После Соловков брат опять заехал к нам в домотканой рубахе (сшил в Вологде)" [http://www.booksite.ru/lichnosty/index.php?action=getwork&id=336&pid=178?=workabout].

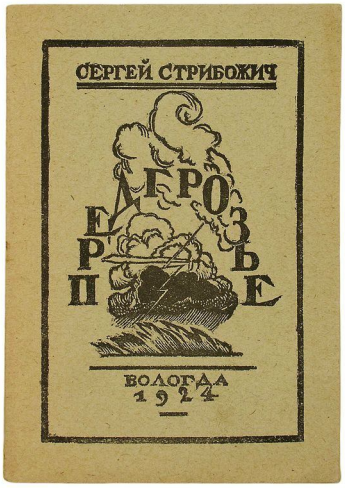
(С.В.Клыпин, фото 1897 г.)

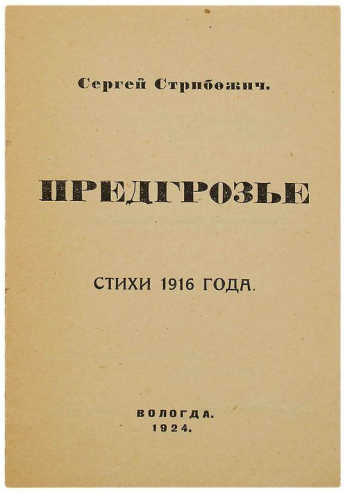
В куплете мы слышим злой ответ древнему, как Русь, шабесгойскому хазарско-манихейскому похабству [см.: Р.Жданович "Древности руссов", М., "Алгоритм", 2013, гл.2, гл-ка 2-я и дал.] - в "Инонии" бездумно повторявшемуся тогда и Есениным, жидовскому выпаду против догмата о Троице в "Преображении" ("*Господи, отелись...*"), датированному в публикации лишь концом 1917. Бывал Сергей здесь раньше, знали есенинские стихи в доме Ганиных - хорошо, знали их еще не публиковавшимися! И, как видно, в отличие от столичной интеллигенции, не испытывали пиетета к деревенскому альфонсу, политическому и сексуальному, однако, радушно принимая его и обмениваясь подарками.

Рассказ Елены Ганиной разошелся с рассказами Зинаиды, кроме того, что открыл совершенно неизвестную страницу ее анкеты: она, оказывается (если, разумеется, верить Елене), также служила в Вологде, что успешно скрыла впоследствии.

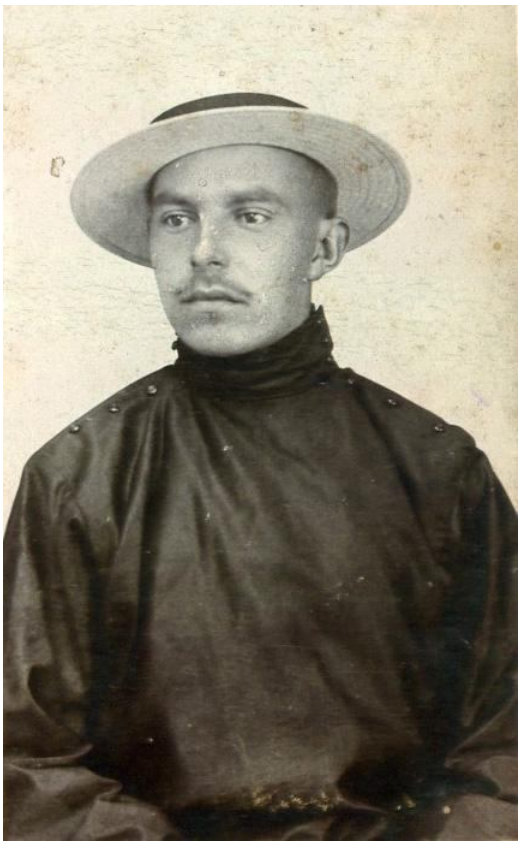
Сергей Васильевич Клыпин (1883-1967) между 1916 («Гроздья рябины»; «Сказины поминальные») и 1927 («Любовь и смерть») годами издавался в Вологде (каталог РНБ указывает 9 сборников) под псевдонимом Стрибожич. Пока мне не удалось выяснить, был ли знаком поэт, избравший столь самоговорящий псевдоним, с художником Василием Сварогом. Это вообще сложно, поскольку в ряде источников псевдоним Стрибожич приписывается иному автору – тоже вологодскому [http://www.booksite.ru/fulltext/1vo/log/da/16.htm], тоже северянину, с тем же годом смерти.

Есть свидетельства, что биографии их, где то, оказались намерено спутаны [http://lucas-v-leyden.livejournal.com/49414.html]. В оформлении же сборников, публиковавшихся в 1920- е гг., ощутима рука, сходная с рукой оформителя литографий А.Ганина.





Издательство «Ключи» С.В.Клыпина - потомственного сотрудника Вологодской типографии [http://www.rusarchives.ru/guide/lf_sz/archive10.shtml], краеведа, деятеля местной культуры, числится открытым и работавшим в 1924 г. (единственное частное издательство Вологды), выпустив единственное издание в типографии Грязовецкого уездисполкома (тир. 200 экз., сохр.единственный) [Е.Демидова "Сто лет вологодской книги"\ "Вологда", вып. 3-й, 2000, с.12]. В т.г., вроде бы, Райх проживала в Москве и была при Меере, служа в его театре. Однако - о самом этом издательстве, дата образования коего, скорее всего, фиктивна, как, впрочем, и о проживании Райх в Вологде, по открытым архивным материалам неизвестно ничего [там же]. Заведывал типографией Клыпин ранее, до 1917 г. [Есенин, т. 7, кн. 3, с.218; А. и А. Веселовские, «Вологжане-краеведы», Вологда, 1923, с.157], продолжая заведывание не позднее 1921 г. [см. http://www.booksite.ru/rare_book/62.htm], что возможно и спутывалось с частно-издательской деятельностью. А, само по себе, знакомство с Клыпиным, любителем и знатоком театра, для Зинаиды оказывается весьма вероятным. Ганин, после 1917 г., тоже конспирировал связи с вологодским издателем (возможно, благодаря другу избежавшим провала и расправы в 1920-х – 1930-х гг.), кустарно выпуская свои сборники, номинально получавшие типографские вых.\данные [см. Демидова, с.12], избегая пользоваться городской типографией и не прибегая к блату старого знакомого...



(С.В.Клыпин в роли Кокоши, водевить «Оболтусы-ветрогоны», 1909 г.)

Как барышня из Бендер, отправившаяся продолжать образование в Петрограде, могла оказаться в Вологде? Татьяна Сергеевна упоминает о дотеатральной биографии матери: "*...Кончилось дело тем, что свидетельство об окончании гимназии ей все-таки выдали, но свидетельства о "благонадежности" она не получила. Когда семья переехала в Питер, это помешало ей стать слушательницей знаменитых Бестужевских курсов. Она посещала другие курсы (не знаю их точного названия, она называла их "Раевские"). В начале первой мировой войны она готовилась стать сестрой милосердия, но при первой же перевязке раненого упала в обморок, и ее отстранили от этого дела. Какое-то время она работала в справочном бюро, собиравшем сведения для родственников о тех, кто находится на фронте. Иногда приходилось сообщать о гибели мужа, брата или сына на поле боя. И здесь она, глядя на чужое горе, еле держалась на ногах, но потом взяла себя в руки. Всех ее "продвижений по службе" до того, как она стала учиться и работать в театре, я не знаю. Уже будучи замужем и живя в Москве, она работала в Наркомпросе, одно время в секретариате Н.К.Крупской*" [Есенина, с.362]. Вологда лежала на пути между Рыбинском и Архангельском - замерзающим, но, ввиду сложности подъездов к Александровску (Северодвинск) и Романову (Мурманск), - дорога докуда лишь клалась в 1915-1916 гг. ("*под каждой шпалой лежит пленный прусский гренадер...*" - говорили...), - важнейшим грузовым портом Европейской России. В Рыбинске разместились главные склады военных материалов Русской армии, в июле 1918 г. он станет главным центром антибольшевицкого восстания (менее известным, ввиду секретности сказанного; не будь мятеж очень быстро подавлен, не уведи тогда Савинков повстанцев в Ярославль, избранный политическим центром восстания, большевики были бы свергнуты). Рабочих мест для интеллигентных девиц, порожденных войной (на коммутаторе, на первичной цензуре (поиск по ключевым словам), на пишущей машинке и телеграфном аппарате и т.п...), сулящих вузовскую льготу, в этих местах было едва ли не более, нежели в старых административных центрах Петрограде и Москве.

Что важно, передавая подробности июльской поездки 1917 г., рассказ Елены Ганиной точно датирован: гости ехали "*как рожь клонилась*", после Петрова поста, ко дню Кирика и Улиты 15(28).07, престольному празднику венчальной церкви, семье Ганина чем-то известной и

прежде. Северными крестьянами такие праздники очень чтились, даже в сер. XX века. Коншиным эта поездка не исчерпывалась, ибо, справляя свадьбу, там провели лишь три дня, занимаясь некими своими делами, затянувшимися далеко сверх нужного для отправления мальчишника, в Вологде.

(С.В.Клыпин, 1957 г.)

И вряд ли Елена Алексеевна здесь путала, потому что, годом ранее, Есенин с Ганиным также ездили в Вологду в эти дни, лишь чуть позже (опоздание засекается памятью, далее атрибутируя эпизод, не спутывая уже его с соседним): "*Благодаря покровительству полковника Ломана, военная служба не была для новобранца <Есенина> тяжким бременем. ...17 июля уехал на несколько дней в Вологду с Алексеем Ганиным, с которым познакомился в Царском Селе*" ["Есенин", с.95]. 15.07.1916 г. было пятницей. По-настоящему трудившийся за операционным столом, в отличие от "ботаника" Есенина, Ганин в те дни - когда в лесах под Ковелем тонул в крови "Брусиловский прорыв" - смог получить краткосрочный отпуск лишь в выходные. По версии Библиографического справочника "С.А.Есенин и его окружение", в Вологду Ганин ездил в июле 1916 г., дабы помочь другу с изданием антивоенной поэмы "Галки" (чья рукопись пропала), не пропущенной в Петрограде [http://zinin-miresenina.narod.ru/profile5.html]. Позволим усомниться, в том, что цензурные дела могли быть преодолимы в 1916 г. за несколько дней, тем более, у Есенина, именно в Царском Селе пребывавшего в пригретом, "блатном" положении. Но связь с провинциальным издательством в этой версии вновь выплывает, заставляя предполагать наличие неких, более высокопоставленных знакомых, размещавшихся в том же краю. По свидетельству С.В.Клыпина (со ссылкой на запись в дневнике, в письме 23.01.1962 г. к Ю.Л.Прокушеву), поэты действительно явились у него в том июле, 18-го числа, и Ганин знакомил заведующего типографией с Есениным [С.А.Есенин «ПСС», 1995 и дал., т. 7, кн. 3-я, с. 218-219]. Это уже достоверное указание, что церковь Кирика и Улиты в 1917 г. окажется путешественниками избрана – вместо, допустим, ближайшей Михайло-Архангельской церкви (сохранилась), вполне сознательно.

Зато, чуднЫм становится есенинский стих "*все равно, Архангельском иль Умбою проплывать тебе на Соловки*". Как это, "*все равно*", если в Архангельск из Петрограда попадаешь через Вологду?? А, тайно вожделея к Зине, и самому Сергею (если обращение к себе) не было б равно, он бы предпочитал Умбу, подальше от родины Ганиных.

Через 15 лет после гибели Алексея, и ровно в 22-ю годовщину того приезда на Вологодчину, в ночь на 15.07.1939 года, его спутница окажется зверски убитой "неизвестными", проникшими в элитную московскую квартиру Мейерхольда.

В марте 1939 года войска Вермахта вступили в Прагу. Этой весной НКВД начинал очередную свою разработку Сергея Семеновича Маслова - руководителя эмигрантской Трудовой Крестьянской партии (правопреемницы социалистов-революционеров), установив с ним контакт через сотрудника, работавшего под посольским иммунитетом, суля амнистию при возвращении на родину. Переговоры сорвались, и теперь, органы контрразведки поспешно выявляли каналы советских связей преемницы ПС-Р, потенциально способные оказаться в руках Абвера. (В действительности, С.С.Маслов принял тогда решение о самороспуске ТКПР, не желая оказаться в одних рядах с немецким врагом Русского народа, и карательная операция чекистов - по спешной зачистке некогда сочувствовавших социал-революционерам была избыточна, стреляя по потенциальному союзнику) [см.: http://www.svoboda.org/content/transcript/371933.html]. По этому же делу, вероятно, 06.08.1939 г. в западных областях Советской Украины будет арестован Н.И.Вавилов, который давно находился в разработке, но дело которого "шилось" прямо на ходу, а с 1950-х гг., и доныне, мифологизируется в СССР и РФ на государственном уровне [см. Жданович, гл. 2-я].

20.06.1939 г. был арестован Всеволод Мейерхольд - номенклатурная шишка ЦК ВКП(б), имевший, в т.ч. и международные связи, при свободном положении которого - арест жены, с ее эсеровским прошлым, с ее связями в артистической и посольской элите, был политически неблагоприятен для органов (в жалобе ЦК арестованный писал о предъявлявшихся ему тогда обвинениях, изъясняясь на своем, понятном ему и верхушке органов и компартии "птичьем языке", явно рассчитывая на понимание умалчиваемого). В ночь на 15 июля – то есть, когда обычно ждали следующих визитов, когда хозяев нельзя было рассчитывать застать спящими (обокрав незаметно), проникнув через балкон в квартиру на Брюсовом переулке, оглушив ударом в голову домработницу Чарнецкую, двое неизвестных скрутили хозяйку опустевшего дома (что-то писавшую перед этим) и нанесли ей 17 ножевых ранений, не обращая внимания на крики. Дочь Татьяна, в письме к Мариэтте Шагинян писанном по горячим следам (20-го числа), когда на ум приходит - в более спокойное время утаиваемое, сообщала: «*Мою маму убили в ночь на 15-е июля. Её уже похоронили на Ваганьковском кладбище недалеко от могилы Есенина. Почти никто не пришёл, были родные и несколько посторонних почти людей. Из тех, кто ходили всегда, никто не пришёл. ...Они ничего не взяли, не ограбили, они пришли, чтобы убить и ранили 7 раз около сердца и в шею, и она умерла через 2 часа, а Лидию Анисимовну побили по голове, и она жива. Кто это был? Их было двое, и их не нашли*» [http://nekropole.info/ru/Zinaida-Rajh]. Константин Сергеевич Есенин - по его рассказу в письме к Матвею Давидовичу Ройзману (сценарист к\ф-ма "Дело N306"), покинул квартиру матери 13.07.1939 г. ["Есенин", с.638] – что, следует понимать, было тогда отслежено. Он выехал тогда на Рязань - на родину отца, прибывая туда тоже на 15.07 [там же]. А ведь - на новый стиль - это был материнский день рождения (03.07.1894 Ст.ст.), чего умудрился «не заметить» Куняев. Sic!

Расхождения стилей между церковной датой 15-го июля (1917) и 15.07.1939 года, на самом деле, тогда не было. Исполняя решения Собора 1918 г. (стихи А.Ахматовой "*Когда в тоске самоубийства народ гостей немецких ждал\ и дух суровый византийства от Русской церкви отлетал...*" - это как раз о нём!), патр.Тихон в 1924 году перевел календарь РПЦ на нов.стиль, перескочив 13 дней, подобно календарю ленинской государственности РСФСР (современное старостильничество МП это мимикрия 1940-х гг.: плагиат с ИПЦ - ИПХ). И день Кирика и Улиты - день памяти св.Владимира, Великого князя Киевского и всея Руси, в Русской

церкви (о чем было известно Ганину, да, наверно, и Есенину), - тогда, в 1930-х гг. - падал в сергиянской (и евлогиянской, облюбованной в Зарубежье декадентскими философами и поэтами) церкви на то же самое 15.07 гражданского календаря.

Не добивая Чарнецкую, так и не прикончив Зинаиду - буквально изрешеченную, исполосованную ударами финок в живот, грудь и шею, однако умершую лишь через 2 часа, уже в "Скорой", - так, что всё это выглядит как пристрастный пыточный допрос без протокола, именуемый чекистами "*моментом истины*", - но однако, здесь сорвавшийся ибо, не вняв угрозам, жертва стала кричать и звать на помощь, - покинув дом по парадной лестнице и уехав на черном автомобиле, налетчики исчезнут в неизвестности. В июле 1941 года - когда тюрьмы чистили от ставших опасными во время войны "врагов народа" (к слову) - с обвинением в этом налете, будут казнены сразу три группы московских уголовников, а поправившаяся домработница отправится за колючую проволоку, где бесследно исчезнет. Даже если Чарнецкая была наводчицей, уголовники лучше кого-либо знали, что после ареста хозяина по 58-й статье, ценностей в доме не остается...

Итак, дочь германского выкреста, в России поменявшего протестантизм на православие, и беспоместной русской дворянки, скрывала Зинаида Августовна Райх свои поездки на родину Ал.Ал.Ганина - недаром, отнюдь недаром! И хотя мы можем заключить что Алексей никого не выдал на пыточных допросах в московских подвалах 1924 году, - ибо чекисты так и не узнали о тайнике под домом в Коншино, где хранился его архив, сгоревший много позднее, - от всевидящего ока к 1939 году поездки не укрылись, оказавшись вменены и ей. Хотя, с тех пор прошло уже целых 22 года!

Не с этими ли поездками связано было в далеком 1925 г. убийство Сергея Есенина - уже автора тогда "Стансов" (не говоря о прочей "советской" похабщине), безусловно доказанное к настоящему времени?

Визуальное изучение опубликованных тщательно фотоснимков (фотограф Моисей Наппельбаум) и зарисовок (художник Василий Сварог) тела Есенина по книге: В.Кузнецов 'Есенин. Тайна смерти (казнь после убийства)', издания 2004 и 2006 гг. (рисунок Сварога см.: 2004, вклейка, перед стр. 193), - показывает различимые простым глазом тяжкие травмы, наносившиеся ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНО:

Отек левой скуловой кости, глазница запала, левый глаз вытек;

Травма носового хряща, нанесенная незадолго до смерти и окоченения; Диагональный пролом межбровья, нанесенный твердым прямоугольным предметом (предположительно рукоятка пистолета) ударом слева;

Касательное пулевое отверстие под правой скулой (рисунок; на снимке, как наиболее вопиющее, заретушировано);

Пулевое отверстие в правом нижнем краю межбровного пролома, близкое к нормали. Выстрел произведен из оружия малой мощности и калибра - используемого палачами...

Что важно, рисунки Сварога выполнялись с натуры - не с фотографий, не по памяти, эти подробности художники-профессионалы определяют [чл.-корр. ПАНИ Махонин Ф.Ф., устн.сообщ.].

Поскольку покойным В.И.Кузнецовым был опубликован рассказ осужденного в 1946 г. б\чекиста Леонтьева (в передаче свидетеля - военного строителя Титаренко), по его собственным словам, произведшего смертельный выстрел в приведенного в 'Англетер', оказывавшего активное сопротивление попыткам Блюмкина и Леонтьева себя 'опустить' (по утверждению Леонтьева - кастрировать; сам по себе, эпизод подтверждается расстегнутыми штанами на снимках) Есенина, фиксируем следующее.

Смертельный ('контрольный') выстрел был произведен - уже после нанесения удара в межбровье, и спустя некоторое время после ударов в лицо (на скуле успел образоваться отек). Потому, более правдоподобным выглядит, что 3-суточный допрос Есенина (24 - 27 декабря), шедший без эксцессов (если конечно верить медицинскому акту, будто желудок трупа содержал до 300 г полупереваренной пищи 6-8-часового срока, включая вино), но выдаваемый его набухшими веками на снимках, перешел в попытку 'опустить' допрашиваемого. Оказывавший активное сопротивление (по рассказу Леонтьева, схватив незакрепленный тяжелый канделябр) был ранен выстрелом слева (касательное ранение) и жестоко избит, захвачен за горло (откуда прокушенный от удушья язык, при отсутствии странгуляционной борозды и перелома гортани), – сзади? - и добит ударом рукоятки пистолета. Затем был произведен 'контрольный' выстрел - сделанный в область переносицы (нормальное ранение). Выстрелы и удар пистолетом наносились противником, находившимся слева, контролировавшим правую (писавшую?) руку арестованного.

3.День св.Валентина, год 1917-й

В наше время стали известны эти метрические данные (Госархив Вологодской обл., Ф.496, оп.38, д.186, л.164) - отысканные ленинградским краеведом Н.Н.Парфеновым. "*Описание документа:*

Название: Метрическая книга записи родившихся, бракосочетавшихся и умерших по приходу Кирико-Улитовской Толстиковской церкви Вологодского уезда Вологодской губернии за 1917 год с записью о бракосочетании 30.07.1917 Сергея Александровича Есенина и Зинаиды Николаевны Райх

Вид документа: Метрическая запись

Автор документа: Священник Виктор Певгов

Дата (время создания) документа: 30 июля 1917 года

Век: 20

Язык документа Русский

Аннотация: Метрическая запись N 1 в метрической книге Кирико-Улитовской Толстиковской церкви Вологодского уезда Вологодской губернии о бракосочетании сына крестьянина Рязанской губернии и уезда Кузьминской волости села Константиново Сергея Александровича Есенина, 22-х лет, и мещанки г. Ростова-на-Дону Зинаиды Николаевны Райх, 23-х лет. Оба православного вероисповедания, первым браком. Поручители: по жениху: Спасской волости деревни Ивановской крестьянин Павел Павлович Хитров и Устьянской волости села Устья крестьянин Сергей Михайлович Бараев; по невесте: Архангельской волости деревни Коншино крестьянин Алексей Алексеевич Ганин и сын вологодского купца Дмитрий Дмитриевич Девятков. Таинство совершал священник Виктор Певгов. Подлинник

Историческая справка: Есенин Сергей Александрович (1895-1925) - русский поэт; Райх Зинаида Николаевна (1894-1939) - российская актриса; Ганин Алексей Алексеевич (1893-1925) - русский поэт и прозаик. Документ поступил в Вологодский губернский архив из Вологодской духовной консистории в 1919 году

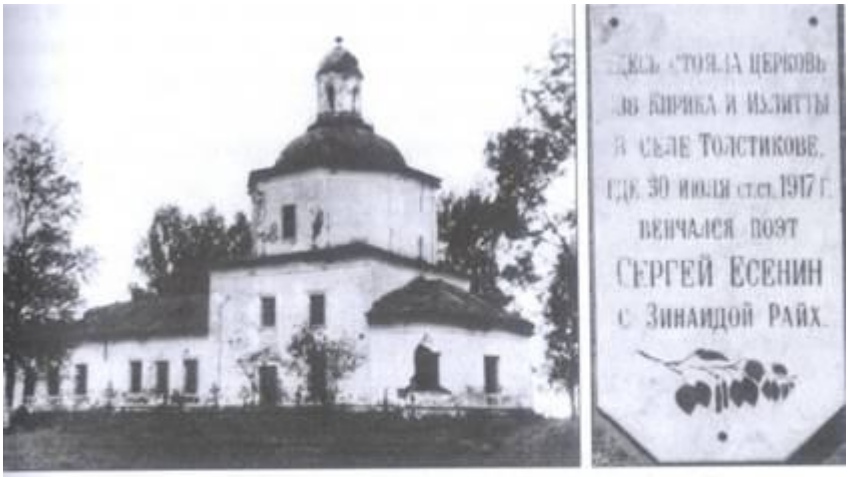
Наличие драгоценных камней и металлов: Нет

Палеографические особенности: Нет

Печати: Нет

Художественные особенности оформления: Нет

Собственность: Государственная, субъекта Российской Федерации" [http://uniqdoc.depcult35.ru/docs/view/32].



Церковь Кирика и Иулиты в селе Толстикове Вологодского уезда, в которой венчались Сергей Есенин и Зинаида Райх. Мемориальная доска в память о венчании С.А. Есенина и З.Н. Райх

(мемориальная доска на месте снесенной Кирико-Улитинской церкви)

Не сохранись этих записей, историки перебирали бы доныне молчаливые архивы Соловков - гадая о причинах отсутствия упоминаний о женитьбе Есенина и Райх. В других источниках называется и псаломщик матримониального мероприятия: Алексей Кратиров [http://zinin-miresenina.narod.ru/k.htm; ссылка: Вдовин, 2007, с.140]. Разыскать биографию его – также исчезнувшую из глаз краеведов и архивных работников, мне не удалось, однако, и без этого известно, из рода кадниковских церковнослужителей Кратировых происходит свщ.-мученик Павел - катакомбный еп.Харьковский и Старобельский (+ 05.01.1932 г.), в 1920-х возглавлявший православное подполье Советской Украины. «*Существует множество посланий и даже целых сочинений епископов ИПЦ, в весьма вызывающей форме осуждающих все мероприятия большевиков и отрицавших советскую власть по существу, как власть «Коллективного антихриста». Об этом говорил <М.А.>Новоселов <+ 17.01.1938, катакомбный еп.Сергиев-Посадский Марк> в своих «Письмах к друзьям», епископ Павел (Кратиров) в своих многочисленных письмах, из которых наиболее ярким является «Письмо Епископа «отошедшего» к Епископу «неотошедшему», епископ Василий (Зеленцов) <+ 07.02.1930>, который в своем трактате объемом в 100 страниц рукописного текста призывает к открытому вооруженному свержению большевиков*» - пишет Вал.Кононов в самиздатском органе ИПХ, ныне, как в и годы чекизма «обыкновенного», внесенном в экстремистский

большевицкий индекс. А С.М.Бараев - это вам не простой "*местный крестьянин*", каким числится в Есенинской Энциклопедии [http://zinin-miresenina.narod.ru/b.html]...

Среди потомков Филиппа Васильевича Быстрова - сотрудника редактора вологодской газеты "Вольный голос Севера" Сергея Бараева, заместителя Питирима Сорокина, - бытует семейное предание. По оному – передававшемуся в те гг., когда о женитьбе Есенина в Толстикове не было известно ничего, местом сочетания полагались Соловки, венец над головой жениха тогда, вместо уставшего шефа, держал корректор 3-й по значимости в России эсеровской газеты, местный вологодский поэт Филипп Быстров. Он погибнет в тюрьме в 1938 г., не признав вину и не сдав соратников, реабилитированный лишь в 1976 (!) году. Его внук рассказывает: «*…Моего деда арестовывали в Москве в 1931 и 1933 годах, после этого выслали обратно в Вологду, а в 1937 году арестовали, предъявив абсурдные обвинения в организации контрреволюционной деятельности. Следствие длилось с июня по октябрь, но палачи так и не смогли добиться признания вины. Мой дед был полностью реабилитирован в 1976 году усилиями старшей дочери Виринеи. В постановлении Вологодского областного суда так и сказано: «…Быстров Ф.В. виновным себя в антисоветской агитации и организации контрреволюционной деятельности НЕ ПРИЗНАЛ». Какой силой духа надо было обладать, чтобы выдержать эти испытания, можно только догадываться. По воспоминаниям близких, Филипп Васильевич мог в лицо энкавэдэшнику пропеть злую частушку про Сталина. Он умер в тюрьме в 1938 году от жестоких побоев и пыток. Дата смерти не известна, место захоронения не известно. Памятью о нём остались только два камня, один на месте церкви Кирика и Улитты, а другой – памятник жертвам политических репрессий в Вологде*» [http://www.proza.ru/2014/08/12/1980].

"*Крестьянин*" (по сословию) - эсер С.М.Бараев был известен в Вологде как специалист по вопросам планирования и отчетности в сельскохозяйственной кооперации [см. И.К.Степановский "Вологодский край", Вологда, 1923, с.64]. Его работы 1900-х - 1920-х гг. числятся в Генеральном каталоге РНБ [http://www.nlr.ru/e-case3/sc2.php/web_gak/lc/7621/39 - http://www.nlr.ru/e-case3/sc2.php/web_gak/lc/7621/43], указывается наличие у него псевдонима: Чижов Яков Иванович [http://aleph.rsl.ru/F/9MUY74U53GBHN8SVVL8DJR7EV1V8YRBY711MMTASI13KP9USD8-05734?func=find-b&request=%D0%B1%D0%B0%D1%80%D0%B0%D0%B5%D0%B2+%D1%81%D0%B5%D1%80%D0%B3%D0%B5%D0%B9&find_code=WAU&adjacent=N&x=0&y=0], с работами, публиковавшимися под ним [http://www.nlr.ru/e-case3/sc2.php/web_gak/lc/106055/23 - http://www.nlr.ru/e-case3/sc2.php/web_gak/lc/106055/27].

Издавался в 1910-х – 1920-х гг. Чижов Я.И. - в т.ч. и в украинской столице Харькове [http://www.nlr.ru/e-case3/sc2.php/web_gak/lc/106055/27], где до революции учился и начинал свою революционную деятельность уроженец соседней Воронежской губернии Сергей Семенович Маслов, где примут приговоры в 1931 г. кадниковский церковнослужитель свщ.-мч.Павел (Кратиров), а в 1938 г. свидетель есенинской свадьбы со стороны жениха - Павел Хитров [http://stalin.memo.ru/names/p396.htm]. Датой гибели Бараева С.М., арестованного 14.08.1937 г., указано 08.02.1938 (погребен в Бутово). Обвинение: участие в контрреволюционной террористической организации [http://www.sakharov-center.ru/asfcd/martirolog/?t=page&id=3852].

Вообще, ВСЕ свидетели, со стороны как невесты, входившей в 1917 в эсеровскую партию, так и жениха, в недалеком будущем, не далее того же 1938 г., примут казнь от режима [http://rosgenea.ru/?alf=5&serchcatal=%C4%E5%E2%FF%F2%EA%EE%E2&r=4].

Чекисты вели тогда планомерный розыск и зачистку людей, бывших некогда связанными с вологодским ссыльным, вождем Трудовой Крестьянской партии Сергеем Масловым. В те же месяцы, на "бухаринском" процессе, будет осужден его соратник по партии социалистов-революционеров и коллега по вологодской ссылке - Сергей Алексеевич Бессонов.

Этого ренегата эсеровской партии, красного командира, выпускника Ин-та Красной профессуры и советского дипломатического работника - удалось расколоть, получив от него показания, в частности, о встрече в 1935 г. в Праге с Масловым (кто его знает, насколько справедливые: сам Маслов опроверг это). Иначе вели себя вологодские друзья и соратники Ганина и Есенина! Мне трудно и не хочется верить, что все они подлежат титулованию "*жертвами необоснованных репрессий*" ("*Бутовскими новомучениками*"), без права на звание воина, павшего в бою с врагом, лишенных доступа в Валгаллу! А традиция катакомбной борьбы с большевизмом, должная как-то отразиться в местных обычаях, приоткрывает, отчего теперь, украинский город, прославленный Эдичкой, где говорят даже не на суржике, как в Луганде, а на вполне москальской мове, и не подумал переходить на сторону ново-советских агитаторов из Кремляндии…

В дореволюционном паспорте З.Н.Райх местом рождения, как следует из кадниковского документа, указывался Ростов н\Д - отнюдь не Одесса, как писала она в советских анкетах и как принято считать доныне. Российский порто-франко в черте оседлости, родина Мишки Япончика и Соньки Золотой Ручки, Якова Блюмкина и Сиднея Рейли, Исаака Бабеля и Эдуарда Багрицкого, столица т.наз. "Русского мира" обладала в глазах красного советского чиновничества огромной революционной харизмой. Указание этого города в анкете - само по себе, в такой забюрократизированной стране, как СССР, автоматически – уже именем оного, содействовало движению ходатайств просителя. И, однако, не покидает ощущение, что, кроме этого, и Зинаида Николаевна после 1917 года - не слишком-то желала, чтоб метрическая книга, - по закрытии толстиковской церкви должная попасть в государственный архив, - помогала бы отождествлять православную дореволюционную путешественницу, уроженку Области Войска Донского - с преуспевающей московской еврейкой 1920-х - 1930-х гг...

Петроградские путешественники закончили свои дела в Вологде (угостив в ресторане Машу Ганину), не забыли отметить дни рождения Алексея и даже Самого Николы-Угодника, покровителя рисковых морских путешественников; венчание в Толстикове шло торжественное, едва ль спонтанное: в воскресение, с совместным причастием брачащихся. Творилось таинство в день св.Иоанна-Воина (он же день св.Валентина по восточным святцам), перед заговеньем на Успенский пост.

Времени на круиз по Беломорью - МЕЖДУ отъездом из Петрограда в Вологду и "внезапным" венчанием бывшей и приятеля - у путешественников не оставалось.

Сойдя в Вологде, наведавшись в Коншино, управившись с делами, молодые хорошо попраздновали в вологодской гостинице "Пассаж", повернули к Толстикову, завершили формальную часть в Кирико-Улитинской церкви (не, допустим, в ближайшей Архангельской), и уже оттуда, как планировали, поехали вчетвером с неведомой нам целью по обителям Русского Севера. Это немаловажно, ибо "*некоторые исследователи полагают, что Есенин и Райх поженились в шутку, просто надо было найти какой-либо предлог для того, чтобы запросить*

денег у родителей Зиночки на обратный путь до Москвы, свои-то денежки незадачливые путешественники уже потратили..." ["Главная тайна Есенина", с.42].

Ст.Куняев рассказывает так: "*В июне 1916 г. болезнь избавила поэта от казармы. Он вернулся в Вологду. На следующий год в гости нагрянули Сергей Есенин с Зинаидой Райх. Поездка на Соловецкие о-ва завершилась для них 4 августа венчанием в Кирико-Улитовской церкви. Алексей был поручителем невесты. Затем они отправились в свадебное путешествие в Коншино - родную деревню Ганина*". Дата неточная, и эта грубая ошибка (в Успенский пост венчания не совершаются) должна была бросаться в глаза, по крайней мере, людям, рожденным до 1917 г.. Использованная Куняевым справка, хранимая в ИМЛИ (копия с копии), искажая дату бракосочетания, добавляет загадок к этой странице революционной биографии Есениных - маскировавшейся кем-то уже давно. Рассказ же о болезни, избавившей поэта от казармы, неприменим к Алексею Ганину - никак. Обладая двойным средним образованием, окончив медицинское училище, он служил не в "казарме", а в военном госпитале, и путь оттуда ему был лишь в школу прапорщиков, куда толкали в т.г. и с 2-классным начальным образованием, но удерживали в тылу профессиональных медработников - еще более дефицитных. Сослуживцы всегда отзывались о Ганине, как об очень хорошем, грамотном, предприимчивом медике. И поясним здесь, к слову, что анекдоты, сочинявшиеся про дореволюционных фельдшеров дореволюционной люмпен-интеллигенцией с дипломами медфаков (типа таганрогского купчика Чехова или киевского кутейника Булгакова), не имели ничего общего с реальными русскими фельдшерами - мастерами очень высокого класса, отличными от своих привилегированных коллег лишь отсутствием университетских значков (дававших дворянские права).

Ганин - в отличье от соратников по литературному цеху, был бесспорным специалистом, очень хорошо, причем всесторонне образованным, как подобает потомкам северных раскольников. Марья Кондакова (урожд.Ганина) вспоминала о нем: "*Дом у нас был с мезонином. В мезонине было много полок с книгами. Брат спал на полу. И Есенин, когда к нему приезжал, спал на полу. В июле 1917 г. я уехала в Вологду готовиться к экзаменам*". Там, в Вологде, к ней заглядывал брат, вместе с Есениным, - "*оба были в одинаковых костюмах*", - пригласив ее отобедать в столовой гостиницы "Пассаж" [http://www.booksite.ru/lichnosty/index.php?action=getwork&id=336&pid=178?=workabout].

Странная штатская жизнь в начале 1917 г., как и "болезнь", позволившая, якобы (формально), уволиться в военное время, не помешают Ганину служить по специальности на родине, нелегким трудом русского земского медика в разрушаемой революцией стране, а в июне 1918 г. добровольно вступить военфельдшером на службу в РККА (Северный фронт, Пинежский участок). И род его занятий (подлинных) в 1916-1917 - оказывается для нас едва ли не важнейшей загадкой, как и то, почему Есенин и Райх (и сотрудник ИМЛИ некогда снимавший копию в вологодском ЗАГС) шифровали свои поездки в Вологду - еще в те дни, когда Ганин служил в РККА?

То, как рискованно, на грани фола Алексей "проверял" тогда друзей, на предмет связей тех с политической полицией, выдают эпизоды, вроде бы "шутливые": '*...сидели Алексей Ганин, Есенин, Иван Приблудный и еще кто-то из общих знакомых. Ганин на салфетке стал писать в шутку членов будущего правительства, считая, что большевики долго не продержутся. Министром просвещения он записал Есенина. Есенин побледнел, потребовал зачеркнуть его фамилию, говоря, что такими шутками не время заниматься. Ганин тут же заменил фамилию Есенина на восемнадцатилетнего Ивана Приблудного. Видимо, кто-то из присутствующих за столом донес об этом случае в ГПУ*' [http://esenin.niv.ru/esenin/smert/tajna-angleter/angleter_1.htm]. Сейчас известно, что сексотом уже не первый год был Иван Приблудный, был на чекистской службе и небезызвестный Иванов-Разумник, связанный с «Делом народа» в Петрограде (это также скрывает Куняев, но называют Хлысталов и Кузнецов).

Что имеем право мы предположить, в пределах изложения этих ФАКТОВ? Вопреки семейной - вполне еврейской традиции (традиции олигархии Бендер, после 1917 числившей себя "рабочими и крестьянами"), Зинаида была чужда социал-демократического движения, сделавшись активисткой социал-революционной партии, организовав и возглавив целое "Общество распространения эсеровской литературы" (*"Нищая Меценатка"* - прозвище, данное ей Алексеем). Она прекращает членство в спиридоновской партии (согласно Куняеву, по требованию мужа; блаженны верующие...), устраиваясь машинисткой на службу в Наркомпрод в нач. 1918 года. Есенин, как мы помним, был близким знакомым Л.А.Канегисера, о коем перестал упоминать после 1917 г. А Канегисер - был членом "Союза Возрождения", летом 1918 г. поддерживая связь с готовившей восстание, вслед за Архангельском, Вологодской боевой организацией [http://www.booksite.ru/vologda_sovet/1917-1929_71.html].

Вологда вообще была тогда "лабазническим", контрреволюционным - антибольшевицким городом (почему суровость "*вологодского конвоя*" не замедлил отметить революционер-троцкист Варлам Шаламов), одним из важнейших эсеровских центров, в ее типографии издавался "Голос свободного Севера" - третья по значению в России эсеровская газета. Здесь трудились в 1917 г. Питирим Сорокин и Сергей Маслов.

В 1-й\2 1918 г. возглавлявший эсеровскую организацию Маслов - несогласный с пробольшевицкой линией Марии Спиридоновой, вместе с революционными оборонцами Николаем Чайковским, первым русским национал-социалистом, и ренегатом юдо-большевизма Григорием Алексинским (в нач. 1900-х автором афоризма о необходимости еврейского погрома в РСДРП) - подготовит и осуществит свержение большевицкой власти на Беломорье. Деяние - советскими источниками подававшееся как "интервенция" (реально союзных войск, жульнически объединяемых с германским воинством финнов, прибыло мало, большинство их составляли чешские, сербские и др.славянские формирования)... Естественно, вступив в бой с креатурами Вены и Берлина (питавшимися деньгами Н-Йорка), вооружившими многотысячные - идеально организованные отряды немецких военнопленных, восставшие попытались опереться на военных противников Германии, недавних союзников Российского государства.

В большевицкую армию, противостоявшую контрреволюционерам, добровольцем тогда вступает демобилизованный поэт-антисоветчик, медицинский спец Алексей Ганин... Подполье на Северном фронте красных - это не вымысел, и не догадка. Один из руководителей Крестьянской партии, в 1927 г. нелегально посещавший СССР, напечатавшийся под псевдонимом Лозинский, рассказал, как среди его контактов обнаружился: "..."*Старый друг еще довоенного времени. <Лев Николаевич Ростов>, лет 45, бывший полковник ген. Штаба. Служил начальником штаба разных красных армий на северном фронте, вел подпольную работу в красной армии, лично хорошо знаком с Тухачевским, человек смелый, энергичный, хороший специалист генштаба; в конспиративной работе спокоен и осторожен; заклятый враг большевиков, по своим взглядам - демократ; но в случае войны допускает диктатуру военную. <...> Энергично работает по распространению литературы в Красной Армии". Лев Ростов - фигура не выдуманная. До 1930 года он служил в штабе Ленинградского округа. Видимо, стал жертвой сталинской операции "Весна" по уничтожению дореволюционных кадров. Во время нее в 1930 году было расстреляно 90 % старого офицерства, служившего в Красной Армии*" [http://www.svoboda.org/content/transcript/371933.html].

После поражения в Гражданской войне, на базе сохранившегося эсеровского подполья и сотрудников Тимирязевской академии, в 1920 г. Сергеем Масловым Москве (! - а отнюдь не в эмиграции) создается подпольная Трудовая Крестьянская партия ("Крестьянская Россия"). Именно по ее делам - будут в 1930 году арестованы Николай Кондратьев и Александр Чаянов, а в 1939 г. Николай Вавилов.

После арестов, предпринимавшихся ВЧК осенью 1920 и весной 1921 годов (расколоть арестованного не удавалось, а свидетельств обвинения не было), Сергей Маслов нелегально

переходит польскую границу. "*По рекомендации Милюкова Сергея Маслова 20 февраля 1922 года принимает президент Чехословакии Томаш Масарик. От властей Чехословакии Сергей Маслов получил дотацию для издания сборников "Крестьянская Россия". В их редколлегию наряду с Масловым, Бемом и Аргуновым вошел в качестве интеллектуальной "звезды" прибывший в это же время в Прагу социолог профессор Питирим Сорокин. Редакторы обещают платить гонорар, и в сборниках начинает участвовать вся пражская интеллектуальная элита: профессора историк Александр Кизеветтер, юристы Николай Тимашев, Сергей Завадский, Константин Кочаровский, экономисты Дмитрий Иванцов, Станислав Прокопович, Борис Бруцкус, Станислав Иванович. Сам Сергей Маслов печатает труды "Россия и возрождении крестьянства" и "Восходящая сила" проводя сравнительный анализ аграрных реформ 1918-20 годов в 13 странах Европы. Сергей Маслов считал, что при всех режимах большинство населения России было дискриминировано, и речь идет о восстановлении справедливости: "Россия искони и до сегодняшнего дня крестьянская по составу своего населения и по объективному значению крестьянства никогда до сих пор не была крестьянской по тем мотивам и силам, которые руководили ея государственной властью. Государственная власть всегда оставалась анти-крестьянской и потому в значительной части своей деятельности анти-государственной. Значение крестьянства далеко расходилось с его положением. С эти старым, всегда болезненным и с 1917 года ставшим роковым для России противоречием должно быть покончено. Таково основное политическое дело, которое история возлагает на плечи поколений России, общественно уже живущих и действующих, и только вступающих в жизнь для действия'"* [там же].

Вот всем этим - объективной ВИНОЙ ПОЛИТИЧЕСКОГО АКТИВИСТА Сергея Есенина пред большевицким УК, с его 58-й статьей, и следует объяснять загадки той НЕИСТОВОЙ антиесенинской истерии - далеко превзошедшей истерию прижизненную, что была развернута в СССР уже во 2-й\2 1920-х, - т.е., уже пост фактум и после политической нейтрализации Зиновьева и Троцкого, - и продолжалась вплоть до 1950-х гг. Не меньшей уликой становятся попытки - скрыть впоследствии эту черту советского бытия 1920-х - 1940-х годов, представляя Сергея, чуть ли не олицетворением Сталинского режима, "советского патриотизма" (крайне неприглядные, надо сказать). Они были многообразны: от фронтового диссидента Солженицына - у которого в нобелиотском "В круге 1-м" преуспевающий советский дипломат 40-х гг. Иннокентий и его своячница сравнивают туриста Кешу с Сергеем, цитируя строки того, - и до "революционного" киношника Глеба Панфилова, вменившего преуспевшему союз-писательскому номенклатурщику 1980-х гг. (Мих.Ульянов, к\ф "Тема") детдомовские И.Ф.: Ким Есенин. Это иезуитство - сродни нынешнему убийству Олеся Бузины, имперского патриота и противника жидовской ("русмирской") интервенции в Малороссию, с убийством коего, требования "*честного и беспринципного расследования убийства*" (дословная формулировка сообщения Москвы) были предъявлены свидомым киевлянам... Эраст Гарин (по фильму: боевик Братства Русской правды и агент микадо) - декадентский поэт, пишущий "под Есенина" - вот подлинная есенинская реплика 1937 г. (ф-м "На границе") в зеркале советской номенклатуры! Ныне же, ну-кось, попробуй-ка, Глебушко, поменяй свою гвардейскую фамилию, пооформляй поэтический паспорт на погоняло Адик Гитлер. Куда тебя упекут в 2015 году, за подобное поэтизирование? А А.А.Ганин (02.11.1924) и С.А.Есенин (24.12.1925) <и, по-видимому, даже З.Н.Райх (судя по тем обвинениям что предъявлялись в том же году масловцу Н.И.Вавилову чекистами Шварцманом и Албугачиевым) - хотя уж это-то было совсем смешно...> были тогда арестованы и замучены на пыточных еврейских допросах, именно как "русские фашисты"! И вам не стряхнуть, господа, с их могил текстовок, оглашенных убийцами, изъясненных вашим неподражаемым политическим речекряком!

Михаил Соколов рассказывает: "*Гибель Сергея Маслова пока остается загадкой. В имеющихся в моем распоряжении официальных ответах ФСБ и Генпрокуратуры утверждается, что документов о репрессиях в отношении Сергея Семеновича Маслова "на территории Российской федерации не имеется". В допросах членов ТКП, арестованных в Праге в 1945 году, нет ссылок на какие-либо показания С.С.Маслова, и лишь однажды один из*

задержанных указывает - как на общеизвестное - на арест лидера партии советскими органами госбезопасности. Аресты всех активистов "Крестьянской России" в Праге уничтожили не только организацию, но и память о ней. Из лагерей в Чехословакию вернулись единицы - такие как Николай Быстров <sic!>, живший в Праге и работавший переводчиком. Уцелел живший в Югославии один из лидеров молодежного крыла "Крестьянской России" Георгий (Егор) Малахов. После высылки из Югославии в СССР в 1958 году Малахов был определен на жительство в город Канск Красноярского края. Георгий Александрович скончался в Канске в 2005 году возрасте почти что ста лет. Его многотомные мемуары находятся на хранении в библиотеке-архиве "Русское Зарубежье..." [там же].

Членов ТКПР, людей высочайшей идейной мотивации, выделяет, объединяя с участниками ганинских групп, поразительная стойкость на пыточных чекистских допросах, так, что особых - демонстративных политических процессов ТКПР, даже не проводилось, вовсе. В отличье от Шахтинского и процесса "Промпартии" - крестьянских подпольщиков не удавалось сломать, "подготовив" для антифашистского "суда".

Эти обстоятельства должно иметь в виду, дабы не оскорблять памяти людей, погибших как бойцы, возводя на них кличку "жертв", нуждающихся в "реабилитации", от лица ВРАГА.

4.Черный ворон, что ты вьешься?

Пессимистические настроения того июля, далекие от свадебных радостей, продолжая размышления "Сарая", как будто, передает ганинское стихотворение "Гонимый совестью незримой..." (публикация 11.03.1918):

Гонимый совестью незримой, за чью-то скорбь и тайный грех,
К тебе пришел я, край родимый, чтоб полюбить, прощая всех.

В твоих полях, в твоем покое, в шелковых мхах твоих ланит
От Зла и каменного воя я думал сердце схоронить.

Я думал бред души неверной стряхнуть в безвременной поре
И за лесной твоей вечерней молиться радостной Заре.

Украдкой выгоревать стоны под сенью звездного шатра
И расплеснуться красным звоном в твои певучие ветра.

Но кто-то дико заглумился над сном и сказкой вековой
И новым перстнем обручился я с той же скорбью полевой.

Опять над Русью тяготеет усобиц княжичий недуг,
Опять татарской былью веет от расписных, узорных дуг.

И мнится: где-то за горами, в глуби степей, как и тогда,
Под золочеными шатрами пирует ханская орда.

Опять по Волге, буйно-красен, обнявшись с пленною княжной,
В узорных челнах Стенька Разин гуляет с вольной голытьбой.

И широко по скатам пашен, разнесшись в кличе боевом,
И днем и ночью грозно пляшут Огонь и Смерть в краю родном.

А по лесам, где пряхи Ночи сплетали звездной пряжей сны,

Сверкают пламенные очи и бич глухого Сатаны.

Умолкли песни голубые, и с травяной твоей спины
Сорвали ризы парчевые Твои неверные сыны

И Ты исстеганные руки возносишь к правде неземной,
И злей смеется крестной муке и добрый друг, и недруг злой.

Неотвратимо роковое в Тебе гнетет твоих сынов, -
Но чует сердце огневое - Ты станешь сказкой для веков.

Какие цели, кроме туристических, могли преследовать путники? Это лишь догадка, на которую здесь мы и указываем.

Эсеровская партия в 1917 г. рассыпалась на ряд несовместных друг с другом фракций. Наряду с правыми – черновцами (и ультраправыми – савинковцами, пошедшими на сотрудничество с белым генералитетом) и левыми – спиридоновцами, тогда выделилось и особое контрреволюционное направление, враждовавшее с присланными из Англии бонапартистами (во главе с А.В.Колчаком), но возглавлявшими антикоммунистическое подполье на Русском Севере – С.Масловым и П.Сорокиным. Не сумев уничтожить большевизм, их подполье получило продолжение в Совдепии 1920-х гг. (почему в литературе, советской и постсоветской, эо направление и не получило существенного внимания – писали о тех, чьи организации были легко разгромлены чекистами, прославляя победы).

Основатель иерархии Истинно-Православной Церкви археп. Уфимский и Мензелинский Андрей, в миру - князь Александр Ухтомский (уроженец Рыбинского уезда, брат академика и тайного единоверческого епископа Алексея Алексеевича Ухтомского), в нач. 1918 г. в журнале Уфимской епархии "Народ - хозяин" пишет так: "...*Из всех остальных - эта партия для меня самая близкая. ...Теперь церковно-приходские советы и партия социалистов-революционеров должны составить единое неразрывное целое*" [?4, 1918]. Что он понимал под партией социалистов-революционеров? Полагаем, что едва ли партию Керенского (при всём своем

отрицательном отношении к монархии) и Спиридоновой. А вот партию Маслова и Сорокина, вполне возможно!

Кто был тот четвертый путник, сопровождавший поэтов из Петрограда, что можно сказать о нем? Это остается неизвестным дотеперь. Я пытался зацепиться за строку Сергея, о ракитах, отнесясь к ним - как к звуковой цитате (поскольку, сам по себе, это не слишком любимый есенинский ботанический образ: лишь 5 упоминаний в его стихах) [http://www.newreferat.com/ref-15724-4.html], понять, какую песню мог петь его спутник. Определенного ответа не получилось, ракиты поминают разные мелодичные стихи (до 1917 г.), способные распеваться, тут и "Старый сад" Константина Фофанова, и "Старая ракита" Алексея Жемчужникова, и вариант "Черного ворона", принадлежащий Н.Ф.Веревкину - "Под зеленою ракитой" (этот николаевский унтер был автором нескольких известных солдатских песен, в т.ч. прообраза «Любо, братцы…»). Так что, песня лишь оставила нам намек на традиционно-романтические вкусы путника. Если это «Черный ворон», то вкусы его ковались армейским хором, распевавшим не простонародный, а академический, распечатанный с нотами вариант.

Татьяна Сергеевна Есенина - даже имя Ганина открывшая лишь в 1980-х годах, после того, как журналистом Красовским в фонде Мейерхольда в ЦГАЛИ был обнаружен план-конспект ненаписанных (или исчезнувших?) мемуаров Зинаиды Райх, с указанием на путь туристов в мурманской тундре, посещение ими Печенги, засвидетельствовала: "*Слишком уж отчетливо я помню такие слова матери: "Все трое были ко мне немного неравнодушны", или такие: "Мы все четверо вышли в Вологде". Кто был четвертым - об этом пока ничего неизвестно*". Но почему, вообще, интеллигентная девица (пусть и служащая) едет по русским монастырям, в обществе мужиков, как физиологически, так и сословно? Не был ли этот четвертый "старше званием" всех остальных? Полагаю, именно ему, неизвестному-четвертому, "*не тревоженному*" угрюмою (после 1-й ночи с Сергеем??) ласкою Зинаиды и не показавшему на пароходе в Белом море своего знакомства с троицей Гавриле Пастернаку, адресовались анонимные строки "Неба..."

Хронологию документов учитывал рязанский краевед, офицер-североморец Юрий Потапов, указывая, что поездка состоялась не до, а после венчания, став свадебным путешествием: "*Легенда <об атамане Кудеяре Тишенкове, похороненном у Спасо-Преображенского собора Соловков> не могла оставить С.А.Есенина равнодушным. А что могло интересовать поэта на Мурманском побережье? Вряд ли уездный городок Александровск (ныне Полярный) или строящийся порт Мурманск. Ведь Мурманск 1917 г. - это не нынешний город-герой, крупнейший рыбный и торговый порт, промышленный и культурный центр Заполярья. В августе 1917 г. это был сплошь деревянный, грязный и хаотично застроенный портовый поселок. Смело можно предположить, что С.А.Есенин, как ценитель русской старины, хотел побывать в Трифоно-Печенгском монастыре, расположенном недалеко от границы с Норвегией. Этот монастырь был основан в XVI веке новгородским монахом Трифоном, пользовавшимся личным благоволением Ивана Грозного, и долгое время являлся торгово-промысловым центром и пограничным форпостом Российского государства в Заполярье. В летние месяцы, в монастырь стекалось немало верующего народа, любителей и знатоков старины, сюда например приезжал композитор Н.А.Римский-Корсаков*" [Ю.Н.Потапов "Небо ли такое белое..."\ "Рязанский Комсомолец", 14.06.1986]. Также, там побывал и контр-адмирал Николай Александрович Римский-Корсаков, Архангельский губернатор, родственник Александра Александровича Римского-Корсакова - Ярославского губернатора (снят П.Столыпиным в 1909 г.), участника Черносотенного движения, в 1918 едва ли не единственного, пытавшегося освободить Царскую семью. Представить себе нечто идейно общее, объединявшее Н.А. и А.А.Римских-Корсаковых, да и С.С.Маслова, очень трудно, но ведь среди дворян, предавать огласке родовые порядки и обычаи, как собственности рода в целом, не было принято, независимо от личных убеждений. Такой источник мог находиться только вовне. В частности, им могла быть обитель на далекой мурманской Печенге.

Волость, где родился Ганин, звалась Вохтюгою. Эти места были в 1500 г. пожалованы в вотчину Василию Михайловичу Корсакову - родоначальнику новгородских Корсаковых, что сообщали корсаковские родословцы [П.Н.Петров "История родов русского дворянства", 1886, кн. 2-я, с.291] и "Генеалогия" (1670-е гг.) митр.Игнатия Тобольского [Игнатий (Римский-Корсаков) "Генеалогиа...", 1994, с.130]. И действительно, в поэтических и прозаических сочинениях А.А.Ганина, соименинника святителя Николы (29.07), аллюзии на оперные тексты Корсакова - собственные и редактировавшихся им опусов товарищей, часты. Не знаем, насколько это случайное обстоятельство, но имя Иоанна-Воина (30.07), как родовое, в редкой на Руси его 2-й части – Воин, передавалось в новгородской ветви рода Римских-Корсаковых.

Современное церковное житие св.прп.Трифона – основателя Кольской обители, споспешника моряков, подобного Николе, вопиюще недостоверно; воины Трифон (Митрофан Торжецкий) и Филипп (Колычев), участники политической борьбы 1530-х - 1540-х гг., пролили немало крови, как рассказывал сам Трифон зазимовавшим у него нидерландским мореходам, прежде чем нашли умиротворение под монашеской рясой. Рассказ этот был опубликован по-русски в "Литературном Вестнике" [т. 1-й, кн. 3-я, 1901], он м.б. известен широко образованному мытарю раненых воинов фельдшеру Ганину, понимавшему, что едут в обитель "раскаявшегося разбойника". И именно здесь, быть может, в будущем отыщутся корни "Ордена Русских фашистов": первым вставшего на борьбу со сходящим на Россию "*Черным демоном бури*"?

В 1918 г. волость Печенга будет передана Финляндской республике, Троицкий Печенгский монастырь новыми властями упразднен, его имущество передано Совнаркому РСФСР. Зачем, и что могли искать власти безбожного государства, теперь уже соседнего, в имуществе монахов? Здесь нам приходит на ум - лишь в качестве возможного(!) примера - та телеграмма, что в 1917 послало вел.кн.Михаилу сибирское купечество и примкнувший к нему ссыльный социал-демократ Радомысльский (Каменев), ставшая роковой в зиновьевско-каменевской коминтерновской карьере 1920-х гг., каким-то неведомым путем, возможно(!), оказавшаяся в руках приближенного к венценосным покровителям поэта-санитара Сергея Есенина ["Есенин", с.611].

Впоследствии, в буржуазной Финляндии, обитель восстановится уже монахами Финляндской православной церкви (паствой Стамбульского патриарха), сумев получить около 10 % недвижимости русского учреждения св.Трифона. В 1939, когда на Печенгу придет Красная армия, игумен, келарь и 14 монахов станут новомучениками, схваченные особистами, отправившись в ГУЛаг...

Железные нервы, однако, были у Алексея, сказавшего (сосны это тайга именно Архангельской губ., тогда обильной лесозаготовками, восточней пойдут пихты, кедр, лиственницы...):

Честь, богатство, и слава, и власть -
всё случайно на горестном свете.
Жить легко,
еще легче пропасть...
Только есть золотая примета,
что из сердца любовь
Даже смерть не умеет украсть.
В том краю,
где тайгу извалял дровосечный топор,
где немало цветов попримяла холодная осень,
от седых, незапамятных пор,
кличут путника древние куполы сосен...

А у сосен - могильный бугор.

И на том, на могильном бугре
всем, кто счастье в пути потеряет,
будь он молод и свеж,
иль с кудрями белее пурги,
три волшебных цветка расцветают
и поют о минувшей поре.

...И вовек те цветы не умрут,
Их ни бури, ни гром не колышут.
И никто не минует тот путь.
Но довольные песен не слышат,
а счастливые спешно пройдут.

- раз пустился он в эту поездку! Эти стихи считаются посвященными Гильде, жене Ганина, однако, цитата из жития Сергия Радонежского (крестильного патрона Есенина), вынесенная в 1-ю строку, ставит такую атрибуцию под вопрос, скорей, требуя соотносить их с фигурами Кати Есениной либо Зинаиды.

Но поездка была удостоверена самим Алексеем, в стихах, надписанием - посвященных З.Р., писанных же прямо в пути (до полярной ночи), откликаясь на есенинское "Небо ли...":

Русалка - зелёные косы,
Не бойся испуганных глаз,
На сером оглохшем утёсе
Продли нецелованный час.

Я понял, мне сердце пророчит,
Что сгинут за сказками сны,
Пройдут синеглазые Ночи,
Уснут златокудрые Дни.

И снова уйдёшь ты далече,
В лазурное море уйдёшь,
И память о северной встрече
По белой волне расплеснёшь.

Одежды из солнечной пряжи
Истлеют на крыльях зари,
И солнце лица не покажет
За горбом щербатой горы.

***
Косматым лесным чудотворцем
С печальной луной в бороде
Пойду я и звёздные кольца
Рассыплю по чёрной воде.

Из сердца свирель золотую
Я выкую в синей тоске
И песнь про тебя забытую
Сплету на холодном песке.

<...>

Песнь стала пророческой:

...Ей снятся в заоблачном дыме
Поля, и расцвеченный круг.
И рыбы смыкают над ними
Серебряный, песенный круг...

- а строки в финальной строфе:

Шумя, протечёт по порогам
Последним потоком слеза...

- подтверждают нам, что были путники в Трифоновой обители: пороги это особенность речки Колы.

5.И никто не минует тот путь...

В 1923 г., в столовой на Мясницкой, поэтами Ганиным, Есениным, Клычковым и Орешиным отмечалось пятилетие Всероссийского союза поэтов. Встречный чекист в кожаной тужурке обозвал их антисемитами, дебоширами, пьяницами и русскими хамами. На самом деле, никакой пьянки не было: родовой генетической чертой Ганиных является непереносимость концентрированного алкоголя.

Сергеем Есениным - не усвоившим подпольной работы и не желавшим понимать того, в ЧЬЕЙ СТРАНЕ он, на своей родине, живет теперь, после 1917 года, поддавшись на эту провокацию, - хам был, взаимообразно, причем биологически точно, назван "*жидовской мордой*".

Будь морда иной, последствий это бы, возможно, не поимело. Но "пострадал" Марк Роткин, и Сергея с друзьями немедленно задерживают, увозя в милицию. "*Русские мужики - хамы!*" - бросил Роткин вслед. О происшествии не замедлили оповестить редакции московских газет. Тотчас, дождавшись отмашки, началась травля "русских фашистов". Первым откликнулся некто Сосновский, по определению Есенина "*картофельный журналистик*" (ныне Сергей сказал бы, что колорадский!): "*Лично меня саморазоблачение наших поэтических "попутчиков" очень мало поразило. Я думаю, что если поскрести ещё кое-кого из "попутчиков", то под советской шкурой обнаружится далеко не советское естество...*"

Вскоре состоялся "суд"; пока "товарищеский". Братья-писатели вынесли "антисемитам" порицание. До следующего суда, выписывавшего приговор Ганину, оставался год.

Как это и полагалось, биндюжники, сменившие пулемет на пишущую машинку, торили дорогу биндюжникам в кожанках, из здания на Лубянке. Пропагандистская кампания - была преддверием ареста и политической расправы. И, получив предупреждение, Есенин, Клюев, Клычков, Орешин исчезают из столичной жизни. Ганин - бывший главным объектом охоты революционных карателей, прикрывая друзей, остается в Москве. Накануне ареста он появляется у Ольги Николаевны Вышеславцевой, прощаясь: "*Ну, охота за мной хорошая идет, други! Пожалуй, что мы не увидимся больше!*"...

"*При аресте у поэта были обнаружены тезисы "Мир и свободный труд - народам", которые, по сути дела, являлись манифестом народного сопротивления большевистской диктатуре, хотя сам арестованный заявил, что тезисы представляют собой наброски к роману. Делом Ганина занялся обер-палач ЧК Яков Агранов, который "вскрыл" целую*

антисоветскую группу, получившую в ОГПУ название "Орден русских фашистов". В эту группу, кроме Ганина, входили поэты Петр Чекрыгин, Владимир Галанов, Григорий Никитин, поэт и художник Виктор Дворяшин, литератор Александрович-Потеряхин и другие - в общей сложности 14 человек. Алексей Ганин был объявлен руководителем группы и 30 марта 1925 года расстрелян вместе с шестерыми товарищами. Семеро избежавших смерти были сосланы в Соловки, туда, где - вот зловещее совпадение! - несколько лет назад Ганин побывал вместе с Есениным и Райх", - пишет А.Н.Потапов [с.50]. Здесь надо помнить, что "фашизм" - это термин коминтерновской пропаганды, лишенный объективного содержания, начавший обкатываться именно в те годы. Если б испанские фалангисты одержали победу раньше Муссолини, празднуя 09.05, мы доныне бы говорили, не о "немецком фашизме", а о "немецком фалангизме". А секретная жизнь Алексея шла уже в 1916, задолго до "фашизмов". И потому, условно говорить должно - об Русском Ордене меченосцев - членом которого, предположительно, он являлся.

В путинской пропаганде культивируются мифы, о "цивилизованности", якобы, следственных органов 1920-х годов, о реальности тех "контрреволюционных" дел, что были созданы оными. Ложь! Лживость свидетельствуют пятна крови, которыми залиты листы "тезисов", выдавая пытки, коим подвергали простонародных интеллектуалов захватившие в России власть интернационалисты. Из 14 человек, схваченных чекистами, шестеро погибли под пытками [сообщение Н.Н.Брауна], двое сошли с ума, оставшиеся были в таком состоянии, что предъявить их гласному "суду" не имелось возможности.

Сохранился протокол допроса, снабженный датой 17.11.1924. "Валяя ваньку", терзаемый теломеханиками ОГПУ, Ганин не называет никого, кроме заведомо недоступных революционным катам: иностранки Дункан и находящегося в соседнем государстве (ЗакСФСР), под покровительством Кирова и Орджоникидзе, Есенина, и неинтересных следствию - расшифрованных чекистские агентов Марцелла Рабиновича, Сергея Коненкова и Галины Бениславской: "*Я приехал сюда, в Москву, как в центр научной и литературной работы. Но приезд мой оказался роковым. Я оказался в крайне отчаянном положении: без работы, без комнаты, без денег. И так продолжалось до ареста. Питался я большей частью в кафе Союза поэтов "Домино". Позднее - "Альказар" и "Стойло Пегаса", ночевал, где застанет ночь. Таким образом, моя "конспиративность" есть не более как хроническое безденежье и отсутствие комнаты. <...> Вечера до глубокой ночи проводил в кафе, пивных, а ночевать уходил к моему бывшему другу поэту Есенину, в дом "Правды" по Брюсовскому переулку, где познакомился с его тогдашней женой Галей. <...> В доме "Правды" после процесса ("Дело четырех поэтов") ночевать было нельзя. <...> В это же время, а может быть несколько раньше, меня познакомил Есенин с Айседорой Дункан, как со своей бывшей женой... из всех знакомств у Айседоры, у меня осталось одно, скульптор Конёнков, у которого я был однажды с Есениным и Рабиновичем. Осматривали мастерскую Конёнкова, эту необычную сокровищницу, разговоры исключительно были о скульптуре. <...> В день ареста я ...уходил покупать пальто на Смоленский рынок, т.к. накануне получил семьдесят рублей в "Хлебопродукте" (жалованье).*

С наступлением зимы, в тот момент, когда мне казалось, что еще на неопределенное время остаюсь без крова и без всякой возможности жить и работать, мне встретился Вяземский <в книгах В.И.Кузнецова ошибочно числится 'князем Волконским'>, и я рискнул, тем более, он сам легко согласился. Сознаюсь, у меня в душе вскипало не раз возмущенье и острая боль против некоторых сторон современной жизни. Особенно в те моменты, когда я, в тягчайшее время борьбы трудящихся за свое освобождение, переносивший с народом, как его составная, органическая часть, те бесчисленные лишения - голод, холод и проч., в настоящий момент нахожусь еще в худшем положении, тогда, в эти моменты, глядя на тех непманов и карьеристов, которые не знают, как и куда измотать свои червонцы, не возмущаться не мог. А в литературе? Вот я, с детства воспринявший жизнь трудового народа, вынесший путешествия на крышах вагонов, евший 1\8 хлеба, по мере своих сил и способностей помогавший в борьбе в тяжелое время 1919-1920 годов, не имею теперь стола, где мог бы писать, тогда как такие, как граф А.Толстой, я говорю это не из желания злобы, а просто

указываю как на факт, просидевшие тяжелое время за границей, имеют и постоянный ночлег и своей халтурой зарабатывают сотни червонцев. Я халтурить не мог, а серьезные вещи, да еще о таком времени, как наше, конечно требуют десятка лет работы с наблюдениями. Тут вы спрашиваете и о фашизме, и о Национальном комитете, и о заговоре к вооруженному восстанию, захвату власти, и о терроре, и просто об агитации. Объединяя случайный материал, повторяя собранный мной, из официальных изданий, из случайных фраз и белогвардейских листовок для моей работы, "Тезисы", я полагал, что не делаю особых преступлений. В этих "Тезисах" я не выразил никакой государственной тайны, потому, что никакой тайны я не знаю. Это то, что изо дня в день обсуждается и официальной прессой, и то, что повторяет и образованная, и необразованная чернь России и Европы. <...> О существовании национального комитета, о существовании типографского шрифта или оружия или взрывчатых веществ я не знаю. И никто мне об этом не говорил. Что касается лично меня, то в этом направлении я не предпринял ни одного делово-конкретного и вообще никакого шага. <...> Примите мое раскаяние и, если можно, оставьте мне жизнь" ["Наш Современник", N4, 1992].

Имея медицинские познания и богатый опыт наблюдений над тяжелоранеными людьми, Алексей инсценирует сумасшествие - по настоящему (в отличие от киношных тюремных инсценировок Тер-Петросяна и прочих красных террористов, рекламировавшихся советским кинематографом), определенный медиками как психически невменяемый. Но, невзирая на это, смертный «приговор» был вынесен и утвержден. Крещеный во им.св.Алексия-мученика (09 августа) - Алексей Алексеевич Ганин будет 30 марта 1925 года секретно осужден по "делу "Ордена русских фашистов", тройкой, в составе В.Менжинского, Г.Бокия и Я.Петерса, сформированной по предложению председателя ВЦИК СССР Абеля Енукидзе.

"Приговорён" к исключительной мере наказания. Ганин Ал.Ал., 1893 г. рождения, добит выстрелами чекистских наганов в здании Бутырской тюрьмы [свидетельство Питера Свирь, 4-юродного племянника поэта], после пыток, которыми руководил начальник 7-го отдела ОГПУ Абрам Славотинский. Дата гибели и место захоронения остаются неизвестны...

...И снова горящие звуки
Я брошу на бездны морей.
И в камень от боли и муки
Моя превратится свирель.

Луна упадет, разобьётся.
Смешаются дни и года,
И тихо на море качнётся
Туманом седым борода.

Под небо мой радужный пояс
Взовьется с полярных снегов,
И снова, от холода кроясь,
Я лягу у диких холмов.

Шумя, протечёт по порогам
Последним потоком слеза,
Корнями врастут мои ноги,
Покроются мхами глаза.

Не вспенится звёздное эхо
Над мёртвою зыбью пустынь,
И вечно без песен и смеха,
Я буду один и один.

(Алексей Ганин "Русалка", Печенга, август 1917 года)

Роман Жданович